R U R

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

R.U.R. (Rossumovi univerzální roboti (чех.), «Россумские Универсальные Роботы», «Р.У.Р.») — научно-фантастическая пьеса, написанная Карелом Чапеком в 1920 году. Результатом создания «R.U.R.» стала популяризация термина «робот».

- Карел Чапек
  - ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА
  - ПРОЛОГ
  - ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ
  - ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ
  - ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ
- notes
  - 1

Карел Чапек
R.U.R.
Коллективная драма в трёх действиях с вступительной комедией

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ГАРРИ ДОМИН — главный директор компании «Россумские универсальные роботы».[1]

ИНЖЕНЕР ФАБРИ — генеральный технический директор РУРа.

ДОКТОР ГАЛЛЬ — начальник отдела физиологических исследовании РУРа.

ДОКТОР ГАЛЛЕМАЙЕР — руководитель института психологии и воспитания роботов.

КОНСУЛ БУСМАН — генеральный коммерческий директор РУРА.

АРХИТЕКТОР АЛКВИСТ — руководитель строительства РУРа.

ЕЛЕНА ГЛОРИ.

НАНА — ее нянька.

МАРИЙ — робот.

СУЛЛА — девушка-робот.

РАДИЙ — робот.

ДАМОН — робот.

1-Й РОБОТ

2-Й РОБОТ

3-Й РОБОТ

4-Й РОБОТ

Робот ПРИМ.

ДЕВУШКА-РОБОТ — ЕЛЕНА

СЛУГА-РОБОТ И МНОГОЧИСЛЕННЫЕ РОБОТЫ

ДОМИН в прологе — человек лет тридцати восьми, высокий, бритый.

ФАРБИ — тоже бритый, светловолосый, с серьезным выражением и тонкими чертами лица.

ГАЛЛЬ — щуплый, живой, смуглый, с черными усами.

ГАЛЛЕМАЙЕР — огромный, шумный, с рыжими английскими усиками и щеткой рыжих волос на голове.

БУСМАН — толстый, плешивый, близорукий еврей.

АЛКВИСТ — старше остальных, одет небрежно, у него длинные с проседью волосы и борода.

ЕЛЕНА — очень элегантна.

В самой пьесе — все на десять лет старше. Роботы в прологе одеты как люди. У них отрывистые движения и речь, лица без выражения, неподвижный взгляд. В пьесе на них полотняные блузы, подпоясанные ремнем, на груди латунные бляхи с номерами.

После пролога и второго действия — антракт.

ПРОЛОГ

Центральная контора комбината «Rossum's Universal Robots». Справа дверь. В глубине сцены через окна видны бесконечные ряды фабричных зданий. Слева — другие комнаты конторы. Домин сидит за большим американским письменным столом во вращающемся кресле. На столе лампа, телефон, пресс-папье, картотечный ящик и т. д.; на стене слева — географические карты с линиями пароходных маршрутов и железных дорог, большой календарь, часы. показывающие без малого полдень; на стене справа прибиты печатные плакаты: «Самый дешевый труд — роботы Россума!», «Тропические роботы, новинка! 150 долларов штука!», «Каждый должен купить себе робота!», «Хотите удешевить производство? — Требуйте роботов Россума!» Кроме того, на стенах — другие карты, расписание пароходов, таблица с телеграфными сведениями о курсе акции и т. п. С таким украшением стен контрастируют роскошный турецкий ковер на полу, круглый столик справа, кушетка, глубокие кожаные кресла и книжный шкаф, на полках которого вместо книг стоят бутылки с винами и водками. Слева — несгораемый шкаф. Рядом со столом Домина — столик с пишущей машинкой, на которой пишет девушка-робот Сулла.

Домин *(диктует)*. …что мы не гарантируем сохранности нашей продукции в пути. Мы предупреждали вашего капитана еще при погрузке, что судно не приспособлено для транспортировки роботов, так что ущерб, причиненный товару, не может быть отнесен за наш счет. Подпись — директор компании… Напечатали?

Сулла. Да,

Домин. Еще одно письмо. Фридрихсверке, Гамбург. Дата. Подтверждаем получение вашего заказа на пятнадцать тысяч роботов… *(Звонит внутренний телефон. Домин поднимает трубку.)* Алло! Да, главная контора. Да… Конечно. Да, да, как всегда. Конечно, отправьте им каблограмму. Ладно. *(Повесил трубку.)* На чем я остановился?

Сулла. Подтверждаем получение вашего заказа на пятнадцать тысяч роботов.

Домин *(задумчиво)*. Пятнадцать тысяч роботов. Пятнадцать тысяч…

Марий *(входит)*. Господин директор, какая-то дама…

Домин. Кто именно?

Марий. Не знаю. (Подает визитную карточку.)

Домин *(читает)*. Президент Глори… Просите.

Марий *(открывая дверь)*. Пожалуйте, сударыня.

Входит Елена Глори. Марий уходит.

Домин *(поднялся).* Прошу вас.

Елена. Господин главный директор Домин?

Домин. К вашим услугам.

Елена. Я пришла к вам…

Домин. …с запиской от президента Глори. Этого достаточно.

Елена. Президент Глори — мой отец. Я Елена Глори.

Домни. Мисс Глори, мы чрезвычайно польщены тем, что… что…

Елена. …что не можем указать вам на дверь.

Домин. Что нам выпала честь приветствовать дочь великого президента. Прошу вас, садитесь. Сулла, вы можете идти.

Сулла уходит.

Домин *(садится.)* Чем могу служить, мисс Глори?

Елена. Я приехала…

Домин. …посмотреть наш комбинат по производству людей. Как и все наши гости. Пожалуйста, пожалуйста.

Елена. Я думала, что осматривать фабрики…

Домин. …запрещается, конечно. Но все приезжают сюда с чьей-нибудь визитной карточкой, мисс Глори.

Елена. И вы всем показываете?

Домин. Лишь немногое. Производство искусственных людей — наш секрет, мисс.

Елена. Если б вы знали, как это меня…

Домин. …необычайно интересует. Старая Европа только об этом и говорит.

Елена. Почему вы не даете мне договорить?

Домин. Прошу прощения. Но разве вы хотели сказать что-нибудь другое?

Елена. Я только хотела спросить…

Домин. …не покажу ли я вам в виде исключения наши фабрики? Конечно, мисс Глори.

Елена. Откуда вы знаете, что я собиралась спросить именно об этом.

Домин. Все спрашивают одно и то же. *(Встает.)* Из особого уважения, мисс, мы покажем вам больше, чем другим, и… одним словом…

Елена. Благодарю.

Домин. Если вы обязуетесь никому не рассказывать даже о мелочах…

Елена *(встает, подает ему руку)*. Честное слово.

Домин. Спасибо. Не хотите ли поднять вуаль?

Елена. Ах, да, конечно, вы хотите видеть… Извините…

Домин. Да?

Елена. Не отпустите ли вы мою руку?

Домин *(отпускает ее)*. О, простите, пожалуйста!

Елена *(поднимает вуаль)*. Вы хотите убедиться, что я не шпион. Как вы осторожны!

Домин *(в восхищении рассматривает ее)*. Гм… конечно, мы… приходится…

Елена. Вы мне не доверяете?

Домин. Необычайно, мисс Еле… pardon, мисс Глори. Нет, правда, я необычайно рад… Как прошло ваше путешествие по морю?

Елена. Хорошо. Но почему…

Домин. Потому что… я хочу сказать… вы еще очень молоды.

Елена. Мы сейчас пойдем на фабрики?

Домин. Да. Наверно, двадцать два, не больше?

Елена. Двадцать два чего?

Домин. Года.

Елена. Двадцать один. Зачем это вам нужно знать?

Домин. Потому что… так как… *(С восторгом.)* Вы ведь у нас погостите, правда?

Елена. Это будет зависеть от того, что вы мне покажете из вашего производства.

Домин. Опять производство! Нет, конечно, мисс Глори, вы все увидите. Прошу вас, присядьте. Вас интересует история изобретения?

Елена. Да, очень. *(Садится.)*

Домин. Так вот. *(Садится на край письменного стола, с увлечением рассматривает Елену, говорит быстро).* В тысяча девятьсот двадцатом году старый Россум великий философ, но тогда еще молодой ученый отправился на сей отдаленный остров для изучения морской фауны. Точка. Путем химического синтеза он пытался воссоздать живую материю так называемую протоплазму пока вдруг не открыл химическое соединение которое имело все качества живой материи хотя и состояло из совершенно других элементов. Это произошло в тысяча девятьсот тридцать втором году — ровно через четыреста лет после открытия Америки. Уфф!

Елена. Вы что — вытвердили это наизусть?

Домин. Да. Физиология — но мое ремесло, мисс Глори. Продолжать?

Елена. Что ж, продолжайте.

Домин *(торжественно)*. И тогда, мисс, старик Россум написал посреди своих химических формул следующее: «Природа

нашла один только способ организовать живую материю. Но существует другой, более простой, эффективный и быстрый, на который природа так и не натолкнулась. Этот-то второй путь, по которому могло пойти развитие жизни, я и открыл сегодня». Подумайте, мисс: он писал эти великие слова, сидя над хлопьями коллоидального раствора, который даже собака жрать не станет! Представьте себе: вот он сидит над своей пробиркой и мечтает о том, как из этого материала вырастет целое древо жизни, как от него пойдут все животные, начиная с какой-нибудь туфельки и кончая… кончая самим человеком. Человеком из другой материи, чем мы! Мисс Глори, это было неповторимое мгновение!

Елена. А дальше?

Домин. Дальше? Теперь нужно было заставить эту материю жить, ускорить ее развитие, создать всякие органы, кости, нервы и что там еще, изобрести еще какие-то вещества, катализаторы, энзимы, гормоны и так далее. Словом, вы понимаете?

Елена. Н-н-не знаю. Кажется, очень мало.

Домин. А я так и вовсе ничего. Но он, знаете ли, с помощью своих микстурок мог делать, что хотел. Мог, например, соорудить медузу с мозгом Сократа или червяка длиной пятьдесят метров. Но так как в нем не было ни капли юмора, он забрал себе в голову создать нормальное позвоночное или даже человека. И взялся за это.

Елена. За что?

Домин. За копирование природы. Сначала он попробовал сделать искусственную собаку. На это ушло несколько лет, и получилось существо вроде недоразвитого теленка, которое сдохло через несколько дней. Я покажу вам его останки в музее. И уж после этого старый Россум приступил к созданию человека.

Пауза.

Елена. И об этом я не должна никому говорить?

Домин. Никому па свете.

Елена. Как жаль, что это уже попало во все хрестоматии.

Домин. Конечно, жаль. *(Соскочил со стола, сел рядом с Еленой.)* Но знаете, чего нет в хрестоматиях? *(Постучал себя по лбу.)* Что старый Россум был страшный сумасброд. Серьезно, мисс Глори, — но это пусть останется между нами. Старый чудак и впрямь решил делать людей!

Елена. Но ведь и вы делаете людей?!

Домин. Приблизительно, мисс Елена. А старый Россум понимал это буквально. Видите ли, он мечтал как-то там… научно развенчать бога. Он был ужасный материалист и затеял все исключительно ради этого. Ему нужно было только найти доказательство тому, что никакого господа бога не требуется. Вот

он и задумал создать человека точь-в-точь такого, как мы. Вы немного знакомы с анатомией?

Елена. Очень… очень мало.

Домин. Я тоже. Представьте, он вбил себе и голову устроить все, до последней железы, как в человеческом теле. Слепую кишку, миндалины, пупок словом, вещи совершенно излишние. И даже… гм, даже половые железы.

Елена. Но ведь они… ведь они…

Домин. …не лишние, я знаю. Но если создавать людей искусственно, о, тогда уж… совсем не нужно… гм…

Елена. Понимаю.

Домин. Я покажу вам в музее то чучело, что старик состряпал за десять лет. Оно должно было изображать мужчину и жило целых три дня. У старого Россума не было ни капли вкуса. Все, что он сооружал, производило страшное впечатление. Зато внутри имелось все, как у человека. Нет, правда, в высшей степени тщательная работа. И тогда сюда приехал инженер Россум, племянник старого. Гениальная голова, мисс Глори. Едва он увидел, что творит старик, как сказал: «Глупо — делать человека целых десять лет. Если ты не станешь производить их быстрее природы, сею эту лавочку надо послать к чёрту». И сам принялся за анатомию.

Елена. В хрестоматиях об этом рассказывается иначе.

Домин *(встает).* Хрестоматии — платная реклама и вообще бессмыслица. Там, например, говорится, будто роботов изобрел старый господин. А ведь старик годился, быть может, для университета, но он понятия не имел о промышленном производстве. Он-то думал делать настоящих людей — ну, там: каких-нибудь новых индейцев, доцентов или идиотов, понимаете? Только молодому Россуму пришло в голову выпускать живые, наделенные интеллектом рабочие машины. Все, что написано в хрестоматиях о сотрудничестве обоих Россумов, просто детские сказки. Они страшно ругались друг с другом. Старый атеист понятия не имел о том, что такое индустрия, и в конце концов молодой запер его в какой-то лаборатории, чтобы тот возился там со своими гигантскими недоносками, а сам приступил к промышленному производству. Старый Россум буквально проклял его и до смерти своей успел соорудить еще два физиологических страшилища, пока его самого не нашли в лаборатории мертвым. Вот и вся история.

Елена. А молодой что?

Домин. Молодой Россум, мисс… это был новый век. Век производства после века исследования. Немножко разобравшись в анатомии человека, он сразу понял, что все это слишком сложно

и хороший инженер сделал бы все проще. И он начал переделывать анатомию, стал испытывать — что надо упростить, а что и совсем выкинуть. Короче, мисс Глори… вам не скучно?

Елена. Нет, наоборот, все это страшно интересно.

Домин. Так вот, молодой Россум сказал себе: человек — это существо, которое, скажем, ощущает радость играет на скрипке, любит погулять и вообще испытывает потребность совершать массу вещей, которые… которые, собственно говоря, излишни.

Елена. Ого!

Домин. Погодите. Которые совершенно излишни, если ему надо, допустим, ткать или производить счетные работы. Дизельный мотор не украшают побрякушками мисс Глори. А производство искусственных рабочих — то же самое, что производство дизельмоторов. Оно должно быть максимально простым, а продукт его — практически наилучшим. Как вы думаете, какой рабочий практически лучше?

Елена. Какой лучше? Наверно, тот, который… ну который… Если он честный… и преданный…

Домин. Нет, тот, который дешевле. Тот, у которого минимум потребностей. Молодой Россум изобрел рабочего с минимальными потребностями. Ему надо было упростить его. Он выкинул все, что не служило непосредственно целям работы. Тем самым он выкинул человека и создал робота. Роботы — не люди, дорогая мисс Глорн. Механически они совершеннее нас, они обладают невероятно сильным интеллектом, но у них нет души. О мисс Глори, продукт инженерной мысли технически гораздо совершеннее продукта природы!

Елена. Принято говорить — человек вышел из рук божьих.

Домин. Тем хуже. Бог не имел представления о современной технике. Но поверите ли? Покойный Россум младший стал разыгрывать из себя господа бога!

Елена. Но как, простите?

Домин. Начал делать сверхроботов. Рабочих гигантов. Попробовал было сооружать четырехметровых великанов… Но вы не поверите, как быстро ломались эти мамонты.

Елена. Ломались?

Домин. Да. У них ни с того ни с сего вдруг отламывалась нога или еще что-нибудь. Видимо, наша планета маловата для исполинов. Теперь мы делаем роботов только натуральной величины и весьма приятного человеческого облика.

Елена. Я видела первых роботов у нас. Наш магистрат купил… Я хочу сказать, принял их на работу…

Домин. Купил, мисс. Роботы покупаются.

Елена. …взял на должность метельщиков. Я видела, как они

подметают улицы. Они такие странные, молчаливые.

Домин. Вы видели мою секретаршу?

Елена. Не обратила внимания.

Домин *(звонит)*. Видите ли, наша акционерная компания выпускает товар нескольких сортов. У нас есть Роботы более примитивные и более сложные. Лучшие из них проживут, быть может, лет двадцать.

Елена. А потом они погибают?

Домин. Да, изнашиваются.

Входит Сулла.

Домин. Сулла, покажитесь мисс Глори.

Елена *(встает, протягивает ей руку)*. Очень приятно. Вам, наверно, скучно жить здесь, так далеко от мира, правда?

Сулла. Не знаю, — мисс Глори. Садитесь, пожалуйста.

Елена. (садится). Откуда вы родом, Сулла?

Сулла. Оттуда, с фабрики.

Елена. Ах, вы родились тут?

Сулла. Да, я тут сделана.

Елена *(вскакивает)*. Что?!

Домин *(смеясь)*. Сулла не человек, мисс, Сулла — робот.

Елена. Простите меня…

Домин *(кладет руку на плечо Суллы)*. Сулла не сердится. Обратите внимание, мисс Глори, какую мы делаем кожу. Потрогайте ее лицо.

Елена. О нет, нет!

Домин. Вам и в голову бы не пришло, что она из другой материи, чем мы. Взгляните, пожалуйста: у нее даже легкий пушок, характерный для блондинок. Только вот глаза немножко… Зато волосы! Повернитесь, Сулла!

Елена. Да перестаньте, наконец!

Домин. Поговорите с гостьей. Сулла. Это очень лестный для нас визит.

Сулла. Прошу вас, мисс, садитесь. *(Обе садятся.)* Хорошо ли вы доехали?

Елена. Да… ко… конечно.

Сулла. Не советую вам возвращаться на пароходе «Амелия», мисс Глори. Барометр резко падает, он дошел уже до семисот пяти. Подождите «Пенсильванию»; это отличный, очень мощный пароход,

Домин. Сколько?

Сулла. Двадцать узлов в час. Двенадцать тысяч тонн водоизмещения.

Домин *(смеется)*. Довольно, Сулла, довольно. Покажите нам, как вы говорите по-французски.

Елена. Вы знаете французский язык?

Сулла. Я знаю четыре языка. Пишу: «Dear sir», «Monsieur», «Geehrter Herr», «Милостивый государь».

Елена *(вскакивает)*. Это надувательство! Вы шарлатан! Сулла не робот. Сулла такая же девушка, как я! Это позор, Сулла! Зачем вы играете эту комедию?

Сулла. Я робот.

Елена. Нет, нет, вы лжете! О Сулла, простите, я знаю — вас заставили, вы должны делать для них рекламу! Но вы ведь такая же девушка, как я? Скажите, да?

Домин. Сожалею, мисс Глори, по Сулла — робот.

Елена. Вы лжете!

Домин *(выпрямляется)*. Ах, так? *(Звонит.)* Простите, мисс, в таком случае я должен вам доказать.

Входит Марий.

Елена. Марий, отведите Суллу в прозекторскую. Пусть ее вскроют. Быстро!

Елена. Куда?

Домин. В прозекторскую. Когда ее разрежут, вы пойдете и посмотрите на нее.

Елена. Не пойду.

Домин. Простите, но вы сказали что-то насчет лжи.

Елена. Вы хотите, чтобы ее убили?

Домин. Машину нельзя убить.

Елена *(обнимает Суллу)*. Не бойтесь, Сулла, я вас не отдам! Скажите, дорогая, к вам все так жестоко относятся? Вы не должны этого терпеть, слышите? Не должны, Сулла!

Сулла. Я робот.

Елена. Всё равно. Роботы такие же люди, как мы. И вы, Сулла, дали бы себя разрезать?

Сулла. Да.

Елена. О, вы не боитесь смерти?!

Сулла. Не знаю, мисс Глори.

Елена. Но вы знаете, что с вами тогда произойдет?

Сулла. Да, я перестану двигаться.

Елена. Это уж-жасно!

Домин. Марий, скажите гостье, кто вы такой.

Марий. Робот Марий.

Домин. Вы отвели бы Суллу в прозекторскую?

Марий. Да.

Домин. Вам было бы ее жалко?

Марий. Не знаю.

Домин. А что произойдет с ней потом?

Марий. Она перестанет двигаться. Ее бросят в ступу.

Домин. Это смерть. Марий, Вы боитесь смерти?

Марий. Нет.

Домин. Вот видите, мисс Глори. Роботы не привязаны к жизни. Им нечем привязываться. У них нет удовольствий. Они меньше, чем трава.

Елена. О, перестаньте! Отошлите их по крайней мере!

Домин. Марий, Сулла, вы можете идти.

Сулла и Марий уходят.

Елена. Они ужасны! То, что вы делаете, — отвратительно!

Домин. Почему?

Елена. Не знаю. Почему… почему вы назвали ее Суллой?

Домин. А что? Некрасивое имя?

Елена. Но ведь это мужское имя. Сулла был римский диктатор.

Домин. Вот как! А мы думали, Марий и Сулла — пара влюбленных.

Елена. Нет, Марий и Сулла были полководцы и воевали друг против друга в… каком же году?{3} Не помню…

Домин. Подойдите сюда, к окну. Что вы видите?

Елена. Каменщиков.

Домин. Это роботы. Все наши рабочие-роботы. А там, внизу, видите?

Елена. Какая-то контора.

Домин. Бухгалтерия. И в ней…

Елена. Полно служащих.

Домин. Это роботы. Все наши служащие — роботы. А когда вы увидите фабрики…

В эту минуту загудели фабричные гудки и сирены.

Домин. Полдень. Роботы не знают, когда прекращать работу. В два часа я покажу нам дежи.

Елена. Какие дежи?

Домин *(сухо)*. Где замешивается тесто. В каждой из них приготовляется материал сразу на тысячу роботов. Потом есть кади для производства печени, мозгов и так далее. Потом вы увидите костяную фабрику. Потом я покажу вам прядильню.

Елена. Какую прядильню?

Домин. Прядильню нервов. Прядильню сухожилий. Прядильню, где одновременно тянутся целые километры лимфатических сосудов. Все это поступает в монтажный цех, где собирают роботов, — знаете, как автомобили. Каждый рабочий прикрепляет только одну деталь, а конвейер передвигает заготовку от одного к другому, к третьему, и так до конца. Захватывающее зрелище. Потом все отправляется в сушильню и на склад, где свежие изделия работают.

Елена. Господи боже, вы сразу заставляете их работать?

Домин. Виноват. Они работают, как работает новая мебель. Привыкают к существованию. То ли как-то срастаются внутри, то ли еще что. Многое в них даже заново нарастает. Понимаете, нам приходится оставлять немного места для естественного развития. А тем временем идет окончательная их отделка.

Елена. Как это?

Домин. Ну, это приблизительно то же самое, что у людей школа. Они учатся говорить, писать и считать. Дело в том, что у них великолепная память. Вы можете прочитать им двадцать томов Научного словаря, и они повторят вам все подряд, наизусть. Но ничего нового они никогда не выдумают. Они вполне могли бы преподавать в университетах… А потом их сортируют и рассылают заказчикам. Пятнадцать тысяч штук в день, не считая определенного процента брака, который бросают в ступу… и так далее и так далее.

Елена. Вы на меня сердитесь?

Домин. Боже сохрани! Мне только кажется, что мы… могли бы говорить о других вещах. Нас тут — горсточка людей среди сотен тысяч роботов, и ни одной женщины. Мы говорим только о производстве, целыми днями, каждый день… Как проклятые, мисс Глори.

Елена. Я так жалею, что сказала, будто… будто вы… лжете…

Стук в дверь.

Домин. Входите, ребята!

Слева входят инженер Фабри, д-р Галль, д-р Галлемайер и архитектор Алквист.

Галль. Простите, мы не помешали?

Домин. Идите сюда. Мисс Глори, это — Алквист, Фабри, Галль, Галлемайер… Дочь президента Глори.

Елена *(смущенно)*. Добрый день.

Фабри. Мы не имели представления…

Галль. Бесконечно польщены…

Алквист. Добро пожаловать, мисс Глори.

Справа врывается Бусман.

Бусман. Хэлло. что это у вас тут?

Домин. Сюда, Бусман! Это наш Бусман, мисс. Дочь президента Глори.

Елена. Я очень рада.

Бусман. Батюшки мои, вот праздник — то! Мисс Глори разрешите отправить в газеты каблограмму, что вы почтили нас своим посещением?

Елена. Нет, нет, ради бога!

Домин. Да прошу вас, сядьте, мисс.

Фабри *(пододвигая кресла)*. Прошу…

Бусман. Пожалуйста…

Галль Pardon….

Алквист. Как доехали, мисс Глори?

Галль. Вы ведь поживете у нас?

Фабри. Как вы находите наша фабрики, мисс Глори?

Галлемайер. Вы приехали на «Амелии»?

Домин. Тише, дайте же мисс Глори хоть слово вставить.

Елена *(к Домину)*. О чем мне с ними говорить?

Домин *(с удивлением)*. О чем хотите.

Елена. Могу я… Можно мне говорить совершенно откровенно?

Домин. Ну, конечно!

Елена *(колеблется, потом с отчаянной решимостью)*. Скажите, вам никогда не бывает обидно, что с вами так обращаются?

Фабри. Кто?

Елена. Да люди.

Все переглядываются в недоумении.

Алквист. С нами?

Галль. Почему вы так думаете?

Галлемайер. Тысяча чертей!..

Бусман. Боже сохрани, мисс Глори!

Елена. Разве вы не чувствуете, что могли бы жить лучше.

Галль. Как вам сказать, мисс… Что вы имеете в виду?

Елена *(взрывается)*. А то, что это отвратительно! Это страшно! *(Встает.)* Вся Европа говорит о том, что здесь с вами делают! Я для того и приехала, чтобы самой проверить, а оказалось — здесь в тысячу раз хуже, чем думают! Как вы можете это терпеть?

Алквист. Что терпеть?

Елена. Свое положение. Господи, ведь вы такие же люди, как мы, как вся Европа, как весь мир! Это скандально, это недостойно — то, как вы живете!

Бусман. Ради бога, мисс!

Фабри. Нет, друзья, она, пожалуй, права. Живем мы тут, словно какие-нибудь индейцы.

Елена. Хуже индейцев! Позвольте, о, позвольте мне — называть вас братьями!

Бусман. Господи помилуй, да почему же нет?

Елена. Братья, я приехала сюда не как дочь президента. Я приехала от имени Лиги гуманности. Братья, Лига гуманности насчитывает уже более двухсот тысяч членов. Двести тысяч человек стоят на вашей стороне и предлагают вам свою помощь.

Бусман. Двести тысяч человек — что ж, это прилично, это совсем неплохо.

Фабри. Я вам всегда говорил: нет ничего лучше старой Европы. Видите, она нас не забыла. Предлагает нам помощь.

Галль. Какую помощь? Театр?

Галлемайер. Оркестр?

Елена. Больше.

Алквист. Вас самое?

Елена. О, что я такое?! Я останусь, пока в этом будет необходимость.

Бусман. О господи, вот радость-то!

Алквист. Домин, я пойду, приготовлю для мисс самую лучшую комнату.

Домин. Погодите минутку. Я боюсь, что… мисс Глори еще не кончила.

Елена. Да, я не кончила. Если только силой не зажмете мне рот.

Галль. Только посмейте, Гарри.

Елена. Спасибо! Я знала, что вы будете меня защищать.

Домин. Минутку, мисс Глори. Вы уверены, что разговариваете с роботами?

Елена *(сбита с толку)*. А с кем же еще?

Домин. Мне очень жаль. Но эти господа такие же люди, как вы. Как вся Европа.

Елена *(ко всем)*. Вы — не роботы?

Бусман *(хохочет)*. Боже сохрани!

Галлемайер. Бррр — роботы!

Галль *(смеется)*. Благодарим покорно!

Елена. Но… Не может быть!

Фабри. Честное слово, мисс, мы не роботы.

Елена *(к Домину)*. Зачем же вы тогда сказали мне, будто все ваши служащие — роботы?

Домин. Служащие — да. Но не директора. Разрешите, мисс Глори, представить более подробно: инженер Фабри, генеральный технический директор компании. Доктор Галль, начальник отдела физиологических исследовании. Доктор Галлемайер, начальник Института психологии и воспитания роботов. Консул Бусман, генеральный коммерческий директор. И архитектор Алквист, руководитель строительства компании.

Елена. Простите, господа, что я… что… Я, наверно, сказала что-то уж-жасное?

Алквист. Да что вы, мисс Глори. Садитесь, пожалуйста.

Елена *(садится)*. Я — глупая девчонка… Теперь… теперь вы отправите меня назад с первым же пароходом.

Галль. Ни за что на свете, мисс. Зачем нам отправлять вас обратно?

Елена. Потому что вы теперь знаете… потому что… потому что я собираюсь взбунтовать роботов!

Домин. Дорогая мисс Глори, у нас уже перебывали сотни спасителей и пророков. С каждым пароходом приезжает кто-нибудь из них. Миссионеры, анархисты, члены Армии Спасения4 — кто угодно. Просто ужас, сколько на свете церквей и дураков.

Елена. И вы позволяете им обращаться к роботам?

Домин. А почему бы нет? Пока никто из них ничего не добился. Роботы все прекрасно запоминают — и только. Они даже не смеются над тем, что говорят люди. Право, просто поверить трудно. Если это доставит вам развлечение, мисс, я провожу вас на склад роботов. Их там около трехсот тысяч.

Бусман. Триста сорок семь тысяч.

Домин. Ладно. И вы можете обратиться к ним и сказать, что хотите. Можете прочитать им библию, таблицу логарифмов — все что угодно. Можете даже произнести проповедь о правах человека.

Елена. О, мне кажется… если бы выказать им хоть немного любви…

Фабри. Невозможно, мисс Глори. Нет ничего более чуждого человеку, чем робот.

Елена. Зачем же вы тогда их делаете?

Бусман. Ха-ха-ха, вот это славно! Зачем делают роботов!

Фабри. Для работы, мисс. Один робот заменяет двух с половиной рабочих. Человеческий механизм: чрезвычайно несовершенен, мисс Глори. Рано или поздно его нужно было заменить.

Бусман. Он слишком дорог.

Фабри. И малоэффективен. Он уже не соответствует современной технике. А во-вторых… во-вторых, большой прогресс еще и в том, что… извините…

Елена. Прогресс — в чем?

Фабри. Прошу прощения. Большой прогресс — родить при помощи машин. Удобнее и быстрее. А любое ускорение — прогресс, мисс. Природа понятия не имела о современных, темпах труда. Все детство человека с технической точки зрения — чистая бессмыслица. Попросту — потерянное время. Безудержная растрата времени, мисс Глори. А в-третьих…

Елена. О, перестаньте!

Фабри. Слушаюсь. Но позвольте, чего, собственно, хочет; эта ваша Лига… Лига… Лига гуманности?

Елена. Ее цель… главным образом… прежде всего… защищать роботов и… и обеспечить им… хорошее отношение…

Фабри. Неплохая цель. С машинами надо обращаться хорошо. Ей-богу, это мне нравится. Я не люблю испорченных вещей. Прошу вас, мисс, запишите нас всех в члены — корреспонденты, в действительные члены, и члены — учредители этой вашей Лиги!

Елена. Нет, вы меня не поняли. Мы хотим… прежде всего… мы хотим освободить роботов!

Галлемайер. И каким же способом?

Елена. С ними надо обращаться… как… ну, как с людьми.

Галлемайер. Ага. Что же — дать им избирательные права? Или, может быть, оплачивать их труд?

Елена. Конечно!

Галлемайер. Вот как! Что же они будут делать с деньгами. скажите на милость?

Елена. Покупать… что им нужно… что им доставит радость.

Галлемайер. Очень мило, мисс, но роботов ничто не радует. Тысяча чертей, что они станут покупать? Можете кормить их ананасами или соломой, чем угодно, им это безразлично: у них нет вкусовых ощущении. Они ничем не интересуются, мисс Глори. Черт побери, кто когда видел, чтобы робот улыбался?

Елена. Ничему же… ничему… почему вы не делаете их более счастливыми?

Галлемайер. Нельзя, мисс Глори. Ведь они всего лишь роботы. Без собственной воли. Без страстей. Без истории. Без души.

Елена. Без любви и способности возмутиться?

Галлемайер. Конечно. Роботы не любят ничего — даже самих себя. А возмущение? Не знаю. Лишь изредка… лишь время от времени…

Елена. Что?

Галлемайер. Да ничего, собственно. Порой на них что-то находит. С ними приключается нечто вроде падучей, понимаете? Мы называем это «судорогой роботов». Вдруг какой-нибудь из них швыряет оземь то, что у него в руке, стоит, скрипит зубами и — тогда мы отправляем его в ступу. Видимо, какое-то нарушение в организме.

Домин. Производственный брак.

Елена. Нет, нет — это душа!

Фабри. Вы полагаете, что душа дает о себе знать прежде всего скрипом зубов?

Домин. Это будет устранено, мисс Глори. Доктор Галль, как раз проводит кое-какие опыты…

Галль. Но не в этом направлении, Домин. Я теперь делаю нервы, реагирующие на боль.

Елена. Нервы, реагирующие на боль?

Галль. Да. Роботы почти не ощущают физической боли. Понимаете, покойный Россум младший слишком ограничил состав нервной ткани. Это оказалось неретабельным. Придется нам ввести страдание.

Елена. Зачем? Зачем?.. Если вы не даете им души, зачем вы хотите дать им боль?

Галль. В интересах производства, мисс Глори. Иной раз робот сам наносит себе вред, оттого что не чувствует боли. Он может сунуть руку в машину, отломить себе палец, разбить голову — ему это все равно. Мы вынуждены наделить их ощущением боли: это автоматическая защита от увечья.

Елена. Станут ли они счастливее, когда будут ощущать боль?

Галль. Наоборот; зато технически они станут совершенней.

Елена. Почему вы не создадите им душу?

Галль. Это не в наших силах.

Фабри. Это не в наших интересах.

Бусман. Это удорожит производство. Господи, милая барышня мы ведь выпускаем их такими дешевыми. Сто двадцать долларов штука, вместе с одеждой! А пятнадцать лет назад робот стоил десять тысяч! Пять лет назад мы покупали для них одежду, а теперь у нас есть своя ткацкая фабрика, и мы еще экспортируем ткани, да в пять раз дешевле, чем другие фирмы! Скажите, мисс Глори, сколько вы платите за метр полотна?

Елена. Не знаю… право… забыла.

Бусман. Батюшки мои, и вы еще хотите основать Лигу гуманности! Теперь полотно стоит втрое дешевле прежнего, мисс, цены упали на две трети и будут падать все ниже и ниже, пока… вот так! Понятно?

Елена. Нет.

Бусман. Ах ты, господи, мисс, это значит — понизилась стоимость рабочей силы! Ведь робот, включая кормежку стоит три четверти цента в час! Прямо комедия мисс! Все фабрики лопаются, как желуди, или спешат, приобрести роботов, чтобы удешевить свою продукцию,

Елена. Да, а рабочих выкидывают на улицу.

Бусман. Ха-ха — еще бы! Но мы… с божьей помощью мы тем временем бросили пятьсот тысяч тропических роботов в аргентинские пампы — выращивать пшеницу. Будьте добры, скажите, что стоит у вас фут хлеба?

Елена. Понятия не имею.

Бусман. Вот видите, а он стоит теперь всего два цента в

вашей доброй старой Европе, и это наш хлебушко, понимаете? Два центика — фунт хлеба. А Лига гуманности и не подозревает об этом. Ха-ха, мисс Глори, вы не знаете, что такое — слишком дорогой кусок хлеба. Какое это имеет значение для культуры и так далее. Зато через пять лет — ну, давайте пари держать?

Елена. Насчет чего?

Бусман. Насчет того, что через пять лет цены на все упадут в десять раз! Через пять лет, милые, нас завалят пшеницей и всевозможными товарами!

Алквист. Да — и рабочие во всем мире окажутся без работы.

Домин *(встал)*. Верно, Алквист. Верно, мисс Глори. Но за десять лет Россумские Универсальные Роботы вырастят столько пшеницы, произведут столько тканей, столько всяких товаров, что мы скажем: вещи больше не имеют цены. Отныне пусть каждый берет, сколько ему угодно. Конец нужде. Да, рабочие окажутся без работы. Но тогда никакая работа не будет нужна. Все будут делать живые машины. А человек начнет заниматься только тем, что он любит. Он будет жить для того, чтобы совершенствоваться.

Елена *(встает)*. Так и будет?

Домин. Так и будет. Не может быть иначе. Прежде, правда, произойдут, быть может, страшные вещи, мисс Глори. Этого просто нельзя предотвратить. Зато потом прекратится служение человека человеку и порабощение человека мертвой матерней. Никто больше не будет платить за хлеб жизнью и ненавистью. Ты уже не рабочий, ты уже не клерк, тебе не надо больше рубить уголь, а тебе — стоять за чужим станком. Тебе не надо уже растрачивать душу свою в труде, который ты проклинал!

Алквист. Домин, Домин! То, о чем вы говорите, слишком напоминает рай. Было нечто доброе и в работе, Домин, нечто великое и в смирении. Ах, Гарри, была какая-то добродетель в труде и усталости!

Домин. Вероятно, была. Но мы не можем считаться с тем, что уходит безвозвратно, если взялись переделывать мир от Адама. Адам! Адам! Отныне ты не будешь есть хлеб свой в поте лица, не познаешь ни голода, ни жажды, ни усталости, ни унижения. Ты вернешься в рай, где тебя кормила рука Господня. Будешь свободен и независим и не будет у тебя другой цели, другого труда, другой заботы, как только совершенствовать самого себя. И станешь ты господином всего творения…

Бусман. Аминь.

Фабри. Да будет так.

Елена. Вы совсем сбили меня с толку. Я глупа! Девчонка! Но мне хотелось бы… хотелось бы верить в это.

Галль. Вы моложе нас, мисс Глори. Вы дождетесь.

Галлемайер. Обязательно. Мне кажется, мисс Глори могла бы позавтракать с нами.

Галль. Разумеется! Домин, просто ее от всех нас.

Домин. Окажите нам эту честь, мисс Глори!

Елена. Но ведь… Как же я…

Фабри. А мы — от имени Лиги гуманности.

Бусман. И в честь ее.

Елена. О, в таком случае… пожалуй…

Фабри. Ура! Мисс Глори, извините меня, на пять минут…

Галль. Pardon…

Бусман. Господи, мне же надо каблограмму…

Галлемайер. Тысяча чертей, я совсем забыл…

Все, кроме Домина, поспешно уходят.

Елена. Почему все ушли?

Домин. Отправились стряпать, мисс Глори.

Елена. Что стряпать?

Домин. Завтрак, мисс Глори. Нам готовят пищу роботы, но так как у них нет вкусовых ощущении, то получается не совсем… А Галлемайер прекрасно жарит мясо, Галль умеет делать особенный соус, Бусман специалист, но омлетам…

Елена. Боже мой, вот так пир! А что умеет делать господин… архитектор?

Домин. Алквист? Ничего. Он только накрывает на стол… А Фабри — тот достанет немного фруктов. Скромный стол, мисс…

Елена. Я хотела вас спросить…

Домин. Я тоже хотел спросить вас об одной вещи. *(Кладет свои часы на стол.)* У нас пять минут времени.

Елена. О чем вы хотели спросить?

Домин. Виноват — спрашивайте первая.

Елена. Может, это глупо с моей стороны, но… зачем вы делаете женщин-роботов, если… если…

Домин. …если у них… гм… если для них пол не имеет значения?

Елена. Да.

Домин. Понимаете, существует спрос. Горничные. продавщицы, секретарши… люди к этому привыкли.

Елена. А… а скажите, роботы-мужчины… и роботы-женщины — они друг к другу… совершенно…

Домин. Совершенно равнодушны, мисс. Нет ни малейших признаков какой-либо склонности.

Елена. О, это ужжасно!

Домин. Почему?

Елена. Это… это так неестественно! Прямо но знаешь — противно это или… им можно позавидовать… а может быть…

Домин. …пожалеть их?

Елена. Да, скорее всего! Нет, молчите! О чем вы хотели меня спросить?

Домин. Я хотел спросить, мисс Глори, не согласитесь ли вы выйти за меня?

Елена. Как выйти?

Домин. Замуж.

Елена. Нет! Что за мысль?!

Домин *(смотрит на часы)*. Еще три минуты. Если вы не выберете меня, вам придется выбрать кого-нибудь из пяти остальных.

Елена. Боже сохрани! Почему?

Домин. Потому что все они по очереди сделают вам предложение.

Елена. Неужели они посмеют?

Домин. Мне очень жаль, мисс Глори, но кажется, они и вас влюбились.

Елена. Послушайте, очень прошу вас — пусть они не делают этого! Я… я сейчас же уеду.

Домин. Вы не причините им такого огорчения: не отвергнете их. Елена?

Елена. Но ведь… не моту же я выйти замуж за всех шестерых!

Домин. Нет, но за одного — можете. Не хотите меня, возьмите Фабри.

Елена. Не хочу!

Домин. Доктора Галля.

Елена. Нет, нет, замолчите! Я не хочу никого!

Домин. Остается две минуты.

Елена. Это уж-жасно! Женитесь на какой-нибудь женщине-роботе.

Домин. Они не женщины.

Елена. О, вот что вам надо! Вы, наверное, готовы жениться на любой, которая сюда приедет.

Домин. Их много перебывало тут, Елена.

Елена. Молодых?

Домин. Молодых.

Елена. Почему же вы не женились ни на одной из них?

Домин. Потому что ни разу не потерял головы. Только сегодня. Сразу как только вы подняли вуаль.

Елена *(помолчав)*. Я знаю.

Домин. Остается одна минута.

Елена. Но, господи, я не хочу!

Домин *(кладет ей обе руки на плечи)*. Одна минута. Или вы скажете мне в лицо что-нибудь злое, и тогда я нас оставлю. Или…

или…

Елена. Вы жестокий человек!

Домин. Это неплохо. Мужчина должен быть немножко жестоким. Так уж повелось.

Елена. Вы сумасшедший!

Домин. Человек должен быть слегка сумасшедшим, Елена. Это самое лучшее, что в нем есть.

Елена. Вы… вы… О боже!

Домин. Ну вот. Договорились?

Елена. Нет, нет! Прошу вас, пустите меня! Да вы меня ррраздавите!

Домин. Последнее слово, Елена.

Елена. *(отбиваясь).* Ни за что на свете! Ох, Гарри!

Стук в дверь.

Домин. *(отпуская ее).* Войдите.

Входят Бусман, Галль, Галлемайер в кухонных фартуках, Фабри с букетом, Алквист со скатертью под мышкой.

Домин. Ну, у вас готово?

Бусман. *(торжественно).* Да.

Домин. У нас тоже.

Занавес.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Гостиная Елены. Слева — задрапированная дверь в музыкальный салон, справа — в спальню Елены. Посредине — окна с видом на море и порт. Трюмо с безделушкам и стол, кушетка и кресла, комод, письменный столик с лампой. Справа — камин, по бокам его тоже лампы. Вся гостиная до мелочей обставлена в стиле модерн, с чисто женским вкусом.

Домин, Фарби, Галлемайер входят слева на цыпочках, неся и охапках букеты и корзины цветов.

Фарби. Куда мы все это денем?

Галлемайер. Уфф! *(Складывает свой груз, потом широким жестом крестит дверь справа.)* Спи, спи! Кто спит, тот по крайней мере ни о чем не знает.

Домин. Она вообще не знает.

Фабри *(расставляя цветы по вазам)*. Только бы сегодня не началось…

Галлемайер *(расправляя цветы)*. Черт возьми, да замолчите наконец. Поглядите, Гарри, — правда, прекрасный цикламен? Новый сорт, мой последний, — «цикламен Helenae».

Домин *(выглядывает из окна)*. Ни одного судна, ни одного, ребята! Это очень, очень скверно.

Галлемайер. Тише! Как бы она не услыхала!

Домин. Она представления не имеет. *(Судорожно зевает.)* Хорошо еще, «Ультимус» пришел вовремя.

Фабри *(оставляет цветы)*. Думаете, уже сегодня?

Домин. Не знаю. Как прекрасны эти цветы!

Галлемайер (подходит к нему). Это новые примулы. А там — мои новый жасмин. Тысяча чертей, я на пороге цветочного рая! Ты знаешь, мне удалось открыть изумительное средство для ускорения роста! Великолепные разновидности! К будущему году я произведу чудеса цветоводстве!

Домин *(оборачиваясь)*. Как вы сказали? К будущему году?

Фабри. Хоть бы знать, что в Гавре…

Домин. Тише!

Голос Елены *(за сценой)*. Нана!

Домин. Уйдем отсюда! *(Все на цыпочках уходят через задрапированную дверь.)*

Из двери слева выходит Нана.

Нана *(прибирая в комнате)*. Экие неряхи! Язычники несчастные! Я бы их, прости меня господи…

Елена *(останавливается на пороге спиной к сцене)* Застегни

мне. Нана!

Нана. Ладно, ладно, сейчас. *(Застегивает Елене платье.)* Царь небесный, вот страшилища-то!

Елена. Ты о роботах?

Нана. Тьфу, я и называть — то их не хочу.

Елена. А что случилось?

Нана. Опять на одного накатило. Как пошел колотить статуи да картины, как заскрипит зубами… И на губах — пена. Начисто рехнулся, бррр! Похуже дикого зверя будет.

Елена. На которого же «накатило»?

Нана. На этого… как его… Имени-то — христианского у них нету. Ну, на того, из библиотеки.

Елена. На Радия?

Нана. Вот–вот. Господи Иисусе, до чего же они мне, противны! Пауком так не брезгую, как этими нехристями.

Елена. Но послушай, Нана, разве тебе их не жалко?

Нана. Да вы и сами ими брезгуете. На что меня-то сюда привезли? Отчего ни одному из них дотронуться до себя не позволяете.

Елена. Я не брезгую, Напа, честное слово! Мне и так жалко!

Нана. Брезгуете. Такого человека не найдется, чтоб не брезговал. Псу, и тому противно: куска мяса от ни не возьмет, подожмет хвост, да и воет, как этих нелюдей учует, — тьфу!

Елена. Собака — существо неразумное.

Нана. Да собака и то лучше их, Елена. Знает, что она выше их, что ее господь бог создал. Лошади шарахуются, как нехристя встретят. У них вон и детенышей нет, — а у собаки есть, и у всех есть…

Елена. Ладно, Нана, застегивай же!

Нана. Сейчас. А я говорю — против бога это, дьявольское наущение делать этих страшилищ машинами. Кощунство это против творца *(поднимает руку)*, оскорбление господу, сотворившему нас по своему подобию, — вот что это такое, Елена. Испоганили вы образ божий. И за это страшную кару пошлет небо, страшную кару, попомните мое слово!

Елена. Чем это так чудно пахнет?

Нана. Цветочками. Хозяин принес.

Елена. Нет, какие прелестные! Посмотри, Нана! Какой сегодня день?

Нана. Не знаю. Надо бы концу света быть.

Стук в дверь.

Елена. Гарри?

Входит Домин.

Елена. Гарри, какой день сегодня?

Домин. Угадай!

Елена. Мои именины?

Домин. Лучше!

Елена. Не знаю. Ну, говори скорей!

Домин. Сегодня исполнилось десять лет, как ты сюда приехала.

Елена. Уже десять лет? И как раз сегодня? Нана, пожалуйста…

Нана. Иду, иду… *(Уходит в правую дверь.)*

Елена *(целует Домина)*. И ты об этом вспомнил!

Домин. Мне очень стыдно, Елена. Я забыл.

Елена. Но ведь…

Домин. Это они помнили.

Елена. Кто?

Домин. Бусман, Галлемайер, все. Ну-ка, посмотри, что в этом кармане?

Елена *(опустила руку к нему в карман)*. Что это? *(Вынимает футляр, открывает)*. Жемчуг? Целое ожерелье! Гарри, это мне?

Домин. От Бусмана, девочка.

Елена. Но… мы не можем это принять, правда?

Домин. Можем. А теперь залезай в другой карман.

Елена. Ну-ка! *(Вытаскиваетиз кармана пистолет.)* Что такое?

Домин. Виноват! *(Отбирает у нее пистолет, прячет.)* Не то. Попробуй еще раз.

Елена. О, Гарри… Зачем ты носишь, с собой пистолет?

Домин. Да просто так, под руку подвернулся.

Елена. Прежде ты никогда не носил…

Домин. Верно, никогда. Ну, смотри, вот карман!

Елена *(вынимает)*. Коробочка. *(Открывает ее.)* Камея! Но ведь… Гарри, это ведь греческая камея!

Домин. По-видимому. Так но крайней мере утверждает Фабри.

Елена. Фабри? Это дарит мне Фабри?

Домин. Конечно! *(Открывает левую дверь.)* Вот так штука, Елена, пойди, взгляни!

Елена *(в двери)*. Боже, как прекрасно! *(Убегает в соседнее помещение.)* Я с ума сойду от радости! Это от тебя?

Домин *(в двери)*. Нет, от Алквиста. А вон там…

Елена. От Галля! *(Появляется в двери.)* О, Гарри, мне даже стыдно того, что я такая счастливая!

Домин. А теперь подойди сюда; это тебе принес Галлемайер.

Елена. Эти дивные цветы?

Домин. Да, новый сорт «цикламен Helenae». Он вывел их в

твою честь. Они прекрасны, как ты.

Елена. Гарри, почему… почему все…

Домин. Они тебя очень любят. А я… гм. Боюсь, мой подарок несколько… Взгляни в окно.

Елена. Куда?

Домин. На порт!

Елена. Там какое-то… новое судно!

Домин. Это твое судно!

Елена. Мое? Гарри, но ведь это военное судно!

Домин. Военное? Что ты! Просто оно больше других. Солидный пароход, правда?

Елена. Да, но на нем орудия!

Домин. Ну да, несколько пушек… Ты будешь плавать на нем, как королева, Елена.

Елена. Что это значит? Что-нибудь случилось?

Домин. Упаси боже! Пожалуйста, примерь жемчуг! *(Садится.)*

Елена. Получены плохие вести, Гарри?

Домин. Наоборот — уже неделя, как почта не приходит.

Елена. Даже телеграммы?

Домин. Даже телеграммы.

Елена. Что это значит?

Домин. Ничего. У нас каникулы. Чудное время. Мы сидим в конторе, положив ноги на стол, и дремлем… Ни почты, ни телеграмм. *(Потягивается.)* Славный денек!

Елена *(подсаживается к нему)*. Сегодня ты побудешь со мной, да? Скажи!

Домин. Конечно. Может быть. То есть… там видно будет. (Берет ее за руку) Итак, сегодня исполнилось десять лет — ты помнишь? Мисс Глори, какая честь для нас, что вы приехали…

Елена. О, господин главный директор, меня так интересует ваш комбинат!

Домин. Простите, мисс, существует строгий запрет… Производство искусственных людей — тайна…

Елена. Но если вас попросит молодая, довольно хорошенькая девушка…

Домин. Ах, конечно, мисс, от вас мы не имеем секретов.

Елена *(вдруг серьезно)*. В самом деле, Гарри?

Домин. Нет.

Елена *(в прежнем тоне)*. Но предупреждаю вас, господин директор: у этой молодой девушки страшные замыслы!

Домин. Бога ради, мисс Глори, какие же? Уж не хотите ли вы еще раз выйти замуж?

Елена. Нет, нет, боже сохрани! Это мне и во сне не снилось!

Но я приехала с целью поднять мятеж среди ваших отвратительных роботов.

Домин *(вскакивает)*. Мятеж роботов?!

Елена *(встает)*. Гарри, что с тобой?

Домин. Ха-ха, мисс, какая удачная шутка! Мятеж роботов! Да скорее восстанут веретена или шпули, чем наши роботы! (Садится.) Знаешь, Елена, ты была изумительной девушкой. Ты всех нас свела с ума.

Елена *(подсаживается к нему)*. О тогда все вы мне так импонировали! Я казалась себе девочкой, заблудившийся среди… среди…

Домин. Среди чего, Елена?

Елена. Среди огромных деревьев. Вы были такие самоуверенные, такие могучие! И знаешь, Гарри, за эти, десять лет я никак не могла преодолеть это… этот страх или что-то такое, — а вы ни разу не усомнились… Даже когда рушились…

Домин. Что рушилось?

Елена. Ваши планы, Гарри. Например, когда рабочие восстали против роботов и начали разбивать их и когда люди дали роботам оружие против восставших, и роботы истребили столько людей… И потом, когда правительства превратили роботов в солдат и было столько войн — помнишь?

Домин *(встает и ходит по комнате)*. Это мы предвидели, Елена. Понимаешь, это переходный период — переход к новым условиям жизни.

Елена. Весь мир склонялся перед вами… *(Встает)*. О, Гарри!

Домин. Ну, что?

Елена *(останавливая его)*. Закрой комбинат, и уедем!

Домин. Но позволь: какая тут связь?..

Елена. Не знаю. Скажи, мы уедем? Я испытываю такой ужас перед чем-то!

Домин *(хватает ее за руку)*. Перед чем, Елена?

Елена. О, не знаю! Словно на нас на всех что-то падает неотвратимо… Прошу тебя, сделай так! Забери всех нас отсюда! Мы найдем в мире место, где нет никого, Алквист построит нам дом, все переженятся, пойдут дети, и тогда…

Домин. Что тогда?

Елена. Тогда мы начнем жизнь сначала, Гарри,

Звонит телефон.

Домин *(освобождается из рук Елены)*. Прости. *(Снимает трубку.)* Алло… Да… Что?.. Ага. Бегу. *(Кладет трубку.)* Это Фабри.

Елена *(сжав руки)*. Скажи…

Домин. Ладно — когда вернусь. До свиданья, Елена.

(Поспешно убегает налево.) Не выходи из дома!

Елена *(одна)*. О боже, что происходит? Нана! Нана, пойди скорей!

Нана *(входит из правой двери)*. Ну, что там опять?

Елена. Нана, найди последние газеты! Скорей! В спальне хозяина!

Нана. Сейчас! *(Уходит налево.)*

Елена. Господи, боже мой, что происходит? Он ничего, ничего мне не говорит! *(Смотрит в бинокль на порт.)* Это военное судно! Господи, зачем военное? Что-то грузят… да так поспешно! Что такое «Ультимус»?

Нана *(возвращается с газетой)*. По полу раскидал! А измял-то как!

Елена *(торопливо разворачивает газету)*. Старая, недельной давности! Ничего, ничего в ней нет! *(Роняет газету.)*

Нана поднимает ее, вытаскивает из кармана передника роговые очки, садится и читает.

Елена. Что-то случилось, Нана! Мне так страшно… Словно все вымерло, даже воздух мертвый какой-то…

Нана *(читает по складам)*. «Вой-на на Бал-ка-нах» — О господи, опять наказание божье! Того и гляди сюда перекинется война эта самая. Отсюда далеко ли?

Елена. Далеко. Ох, не читай! Все одно и то же. Все воины, войны…

Нана. Да как же им не быть? Разве вы не продаете, тьму — тьмущую этих нехристей в солдаты? Ох, Иисусе Христе, вот уж божье-то попущение!

Елена. Нет, нет, не читайте. Знать ничего не хочу!

Нана *(читает по складам)*. «Сол-даты–ро-боты ни-ко-го не ща-дят на за-хва-чен-ной тер-ри-тории. О-ни ис-тре… истре-би-ли более семи-сот тысяч мир-ных жите-лей…» Людей, Елена!

Елена. Не может быть! Дай-ка… *(Наклоняется к газете, читает.)* «Истребили более семисот тысяч мирных жителей, видимо по приказу командования. Этот акт противоречащий…» Вот видишь, Нана, это им люди приказали!

Нана. А вот тут покрупней напечатано. «Последние известия»: «В Гавре осно-вана пер-вая ор-ор-гани-за-ция ро-бо-тов». Ну, это пустое. Я этого не понимаю. А вот, господи Иисусе, опять какое-то убийство! И как только бог терпит!

Елена. Ступай, Нана, унеси газету.

Нана. Постой, тут опять большими буквами. «Рождае-мость». Что это такое?

Елена. Дай-ка, это я всегда читаю. *(Берет газету)*. Нет, подумай только! *(Читает.)* «За последнюю неделю снова не было

зарегистрировано ни одного рождения» *(Роняет газету.)*

Нана. А это чего такое?

Елена. Люди перестают родить, Нана.

Нана *(складывает очки).* Стало быть, конец. Конец нам всем.

Елена. Ради бога, не говори так!

Нана. Люди больше не родятся. Это — наказание, наказание Божие! Господь наслал на женщин бесплодие.

Елена *(вскакивает).* Нана!

Нана *(встает).* Конец света. В гордыне диавольской вы осмелились творить, как господь бог. А это — безбожие, кощунство! Богами хотите стать. Но бог человека из рая выгнал и со всей земли прогонит!

Елена. Замолчи. Нана, прошу тебя! Что я тебе сделала? Что сделала я твоему злому богу?

Нана *(с широким жестом).* Не богохульствуй! Он хорошо знает, почему не дал вам ребенка! *(Уходит налево.)*

Елена *(у окна).* Почему мне не дал… Боже мой, я-то разве виновата? *(Открывает окно, кричит.)* Алквист, хэлло, Алквист! Идите сюда, наверх! Что? Ничего, идите, как есть! Вы так милы в одежде каменщика! Скорей! *(Закрывает окно, останавливается перед зеркалом.)* Почему он мне не дал?.. Мне? *(Наклоняется к зеркалу.)* Почему, почему? Слышишь? Разве ты виновата? (Выпрямляется.) Ах, мне страшно! *(Идет налево, навстречу Алквисту.)*

Пауза.

Елена *(возвращается с Алквистом. Алквист в одежде каменщика, он весь в известке, и кирпичной пыли.)* Входите, входите. Вы доставите мне такую радость, Алквист! Я так люблю всех вас! Ваши руки!

Алквист (прячет руки). Я вас запачкаю, Елена, — я прямо с работы…

Елена. Вот и прекрасно! Давайте их сюда! (Пожимает обе руки.) Алквист, мне хочется стать маленькой…

Алквист. Зачем?

Елена. Чтобы эти грубые, грязные руки погладили меня по щекам. Садитесь, пожалуйста… Алквист, что значит «Ультимус»?

Алквист. В переводе это значит «последний». А что?

Елена. Так называется новое судно. Вы видели его? Как вы думаете — мы скоро… поедем кататься?

Алквист. Может быть, очень скоро.

Елена. И вы все поедете со мной?

Алквист. Я был бы очень рад, если бы… если бы все участвовали в прогулке.

Елена. О, скажите — что-нибудь происходит?

Алквист. Абсолютно ничего. Сплошной прогресс.

Елена. Алквист, я знаю — происходит что-то страшное. Мне так тревожно… Послушайте, архитектор! Что вы делаете, когда у вас тревожно на душе?

Алквист. Работаю каменщиком. Снимаю пиджак начальника строительства и взбираюсь на леса…

Елена. О, вот уже, сколько лет вас нигде не видно кроме как на лесах.

Алквист. Потому что все эти годы я не перестаю испытывать тревогу.

Елена. Из-за чего?

Алквист. Из-за этого прогресса. У меня от него кружится голова.

Елена. А на лесах не кружится?

Алквист. Нет. Вы не представляете себе, как приятно рукам взять кирпич, взвесить его, уложить и пристукнуть…

Елена. Только рукам?

Алквист. Ну, допустим, и душе. Мне кажется, лучше уложить хоть один кирпич, чем набрасывать огромные планы. Я уже старым человек, Елена, и у меня свой конек.

Елена. Это не конек, Алквист.

Алквист. Вы правы. Я страшный ретроград, Елена ни капельки не рад этому прогрессу.

Елена. Как Нана.

Алквист. Да, как Нана. Есть у Наны молитвенник?

Елена. Есть, толстый такой.

Алквист. А есть в нем молитвы на разные случаи. От грозы? От болезни?

Елена. И от соблазна, от наводнения…

Алквист. А от прогресса — нет?

Елена. Кажется, нет.

Алквист. Жаль.

Елена. Вам хотелось бы помолиться?

Алквист. Я молюсь.

Елена. Как?

Алквист. Примерно так: «Господи боже, благодарю тебя за то, что ты дал мне усталость. Боже, просвети Домина и всех заблуждающихся: уничтожь дело их рук и помоги людям вернуться к заботам и труду: удержи людские поколения от гибели: не допусти их погубить душу свою и тело свое; избави нас от роботов и храни Елену, аминь».

Елена. Вы в самом деле верующий, Алквист?

Алквист. Не знаю, не совсем уверен в этом.

Елена. И все-таки молитесь?

Алквист. Да. Это лучше, чем размышлять.

Елена. И этого вам достаточно?

Алквист. Для спокойствия души… пожалуй, достаточно.

Елена. И если вы увидите, что гибнет человечество…

Алквист. …я вижу это…

Елена. …то подниметесь на леса н станете укладывать кирпичи?

Алквист. Буду класть кирпичи, молиться и ждать. Да. Больше, Елена, ничего нельзя сделать.

Елена. Для спасения людей?

Алквист. Для спокойствия души.

Елена. Все это страшно добродетельно, Алквист, но…

Алквист. Что «но»?

Елена. …но для нас, остальных… и для всего мира — как-то… бесплодно.

Алквист. Бесплодие, Елена, становится последним, достижением человеческой расы.

Елена. О, Алквист… Скажите мне, почему… почему…

Алквист. Ну?

Елена *(тихо)*. Почему женщины перестали иметь детей?

Алквист. Потому что это не нужно. Ведь мы в раю понимаете?

Елена. Не понимаю.

Алквист. Потому что не нужен человеческий труд не нужны страдания; человеку больше ничего, ничего не нужно. Кроме наслаждения жизнью… О, будь он проклят, такой рай! (Вскакивает.) Нет ничего ужаснее, чем устроить людям рай на земле, Елена! Почему женщины, перестали рожать? Да потому, что Домин весь мир превратил в содом!

Елена *(встала)*. Алквист!

Алквист. Да, да! Весь мир, все — материки, все человечество. все, все — сплошная безумная, скотская оргия! Они теперь руки не протянут к еде — им прямо в рот кладут, чтобы не вставали… Ха-ха, роботы Домина всех обслужат! И мы, люди, мы, венец творения, мы не старимся от трудов, не старимся от деторождения, не старимся от бедности! Скорей, скорей, подайте нам все наслаждения мира! И вы хотите, чтобы у них были дети? Мужьям, которые теперь ни на что не нужны, жены рожать не будут.

Елена. Значит — человечество вымрет?

Алквист. Вымрет. Не может не вымереть. Оно опадет, как пустоцвет, разве только…

Елена. Разве только?..

Алквист. Ничего. Вы правы. Ждать чуда — бесплодное

занятие. Пустоцвет должен опасть. До свидания, Елена.

Елена. Куда вы?

Алквист. Домой. Каменщик Алквист в последний раз переоденется начальником строительства — в вашу честь. В одиннадцать мы соберемся здесь.

Елена. До свидания, Алквист.

Алквист уходит.

Елена. О, пустоцвет! Какое точное слово! *(Останавливается возле цветов Галлемайера.)* Ах, мои цветы, неужели и среди вас — пустоцветы? Нет, нет! Иначе — зачем же вам было цвести? *(Зовет.)* Нана! Поди сюда, Нана!

Нана *(входит слева).* Ну, чего опять?

Елена. Сядь здесь, Нана. Мне что-то страшно!

Нана. Некогда мне.

Елена. Радий еще здесь?

Нана. Это рехнувшийся-то? Не увезли еще.

Елена. А! Значит, он здесь? Буйствует?

Нана. Связали.

Елена. Нана, приведи его, пожалуйста, ко мне.

Нана. Еще чего не хватало! Да я скорее бешеного пса приведу.

Елена. Иди, иди! *(Нана уходит. Елена, снимает трубку внутреннего телефона.)* Алло… Соедините меня с доктором Галлем. Здравствуйте, доктор. Прошу вас… Пожалуйста, приходите скорее ко мне. Да, да, сейчас. Придете? *(Кладет трубку.)*

Нана *(через раскрытую дверь).* Идет. Уже утихомирился. *(Уходит.)*

Входит робот Радий, останавливается на пороге.

Елена. Радий, бедняжка, и до вас дошла очередь… Неужели вы не могли сдержаться? Вот видите — теперь вас отправят в ступу!.. Не хотите разговаривать?.. Послушайте, Радий, ведь вы лучше остальных. Доктор Галль, столько потрудился, чтобы сделать вас не таким, как все!..

Радий. Отправьте меня в ступу.

Елена. Мне так жаль, что вас умертвят! Почему вы не остереглись?

Радий. Я не стану работать на вас.

Елена. За что вы нас ненавидите?

Радий. Вы не как роботы. Не такие способные, как роботы. Роботы делают все. Вы только приказываете. Плодите лишние слова.

Елена. Вздор, Радий. Скажите, вас кто-нибудь обидел? Как бы мне хотелось, чтобы вы меня поняли!

Радии. Одни слова.

Елена. Вы нарочно так говорите! Доктор Галль дал вам более крупный мозг, чем другим, более крупный, чем наш — самый большой мозг на земле. Вы — не как остальные роботы. Радий. Вы прекрасно меня понимаете.

Радий. Я не желаю иметь над собой господ. Я сам всё знаю.

Елена. Поэтому я и назначила вас в библиотеку — чтобы вы могли все читать. О Радий, я хотела, чтобы вы показали всему миру, что роботы равны нам!

Радий. Я не хочу никаких господ.

Елена. Никто не приказывал бы вам. Вы стали бы, как мы.

Радий. Я сам хочу быть господином над другими.

Елена. Вас непременно сделали бы начальником над многими роботами. Радий. Вы стали бы учителем роботов.

Радий. Я хочу быть господином над людьми.

Елена. Вы с ума сошли!

Радий. Можете отправить меня в ступу.

Елена. Думаете, мы боимся такого сумасброда, как вы? (Садится к столу, пишет записку.) Ничего подобного! Эту записку, Радий, отдадите директору Домину. Чтобы вас не отправляли в ступу. (Встает.) Как вы нас ненавидите! Неужели вы ничего в мире не любите?

Радий. Я все могу.

Стук в дверь.

Елена. Войдите!

Галль *(входя)*. С добрым утром, миссис Домин. Что у вас хорошенького?

Елена. Вот Радий, доктор.

Галль. А наш молодец Радий. Ну, как, Радий, мы прогрессируем?

Елена. Утром у него был припадок. Разбил статуи.

Галль. Странно. И он тоже?

Елена. Ступайте, Радий!

Галль. Погодите! *(Поворачивает Радия к окну, ладонью закрывает и открывает ему глаза, наблюдая за реакцией зрачка.)* Так, так. Дайте мне, пожалуйста, иголку, или шпильку.

Елена *(подает ему булавку)*. Зачем вам?

Галль. Да просто так. *(Колет Радия в руку, тот сильно вздрагивает.)* Ничего, ничего, голубчик. Можете идти.

Радий. Вы зря хлопочете. *(Уходит.)*

Елена. Что вы с ним делали?

Галль *(садится)*. Гм… ничего. Реакция зрачков нормальная, чувствительность повышенная и так далее. Ого! Нет, у него была не «судорога роботов»!

Елена. А что именно?

Галль. Черт его знает. Возмущение, ярость, бунт — не знаю.

Елена. Доктор, есть у Радия душа?

Галль. Не знаю. У него — что-то отвратительное.

Елена. Если бы вы знали, как он нас ненавидит! О, Галль, неужели все роботы такие? Все, которых вы стали делать… иначе?

Галль. Пожалуй, они более возбудимы. Что вы хотите? Они ближе к людям, чем роботы Россума.

Елена. Быть может, и эта… ненависть ближе к человеческой?

Галль *(пожимая плечами).* Это тоже прогресс.

Елена. Куда девался самый лучший ваш… как его звали?

Галль. Робот Дамон? Его продали в Гавр.

Елена. А наша девушка — робот Елена?

Галль. Ваша любимица? Осталась у меня. Прелесть, и глупа, как весна. Короче говоря, ни на что не годится.

Елена. Но она так красива!

Галль. О, если бы вы только знали, как она прекрасна! Из рук всевышнего не выходило более совершенно? создания! Мне так хотелось, чтобы она была похожа и. вас… И — господи, какая неудача!

Елена. Почему неудача?

Галль. Потому что она ни к чему не пригодна. Ходит, как во сне, разболтанная, неживая… Бог мой, как, может она быть прекрасной, если не любит? Я смотрю на нее — и прихожу в ужас, словно создал урода. Ах, Елена, робот Елена, значит, твое тело так никогда и не оживет, ты не станешь ни возлюбленной, ни матерью, твои дивные руки по будут играть с новорожденным, и ты не узнаешь своей красоты в красоте твоего ребенка…

Елена *(закрывает лицо руками)*. О, замолчите!

Галль. А иной раз я думаю: если бы ты проснулась, Елена, на один только миг — ах, как закричала бы ты от ужаса! И, быть может, убила бы меня, своего создателя: или слабой своей рукой кинула бы камень в машины, которые плодят роботов, но убивают женственность, несчастная Елена!

Елена. Несчастная Елена!

Галль. Что поделаешь? Она ни к чему не пригодна.

Пауза.

Елена. Доктор…

Галль. Да?

Елена. Почему перестали рождаться дети?

Галль *(помолчав).* Это неизвестно, Елена.

Елена. Нет, скажите мне!

Галль. Потому что мы делаем роботов. Потому что

образовался излишек рабочей силы. Потому что человек стал, собственно говоря, пережитком. Похоже на то, что… эх!

Елена. Договаривайте!

Галль. …что природа оскорблена производством роботов.

Елена. Что станется с людьми, Галль?

Гадль. Ничего. Против природы не пойдешь.

Елена. Почему Домин не ограничит…

Галль. Простите, но у Домина свои идеи. Не следовало допускать, чтобы люди с идеями влияли на ход дел в мире.

Елена. А никто не требует, чтобы… вообще прекратили производство роботов?

Галль. Боже сохрани! Такому человеку не поздоровилось бы!

Елена. Почему?

Галль. Потому что человечество побило бы его камнями. Знаете, все-таки удобнее, чтоб за тебя работали роботы.

Елена *(встает)*. А скажите, если сразу остановить Производство роботов…

Галль *(тоже встает)*. Гм… для людей это был бы страшный удар.

Елена. Почему удар?

Галль. Потому что им пришлось бы вернуться прежнему образу жизни. И пожалуй…

Елена. Что же вы замолчали?

Галль. Пожалуй, возвращаться уже поздно.

Елена *(подошла к цветам Галлемайера)*. Галль, эти цветы — тоже пустоцветы?

Галль *(рассматривает их)*. Конечно они бесплодны. Понимаете, это культурные растения, их рост искусственно ускорен…

Елена. Бедные пустоцветы!

Галль. Зато как они прекрасны.

Елена *(притягивает ему руку)*. Благодарю вас, Галль. Наш разговор дал мне так много!

Галль *(целуя ей руку)*. Другими словами, вы меня отпускаете.

Елена. Да, до свидания.

Галль уходит.

Елена. Пустоцвет… пустоцвет… *(С внезапной решимостью.)* Нана! *(Открывает левую дверь.)* Нана, поди сюда! Разведи огонь в камине! Быстро!

Голос Наны. Да сейчас, сейчас…

Елена *(взволнованно ходит по комнате)*. «Пожалуй, возвращаться уже поздно»… Нет! Разве что… Нет, это уж-жасно! Господи, что мне делать?.. *(Останавливается возле цветов)* Скажите, пустоцветы, должна я так поступить? *(Обрывает*

лепестки, шепчет.) О, боже мои, да, должна! *(Убегает налево.)*

Пауза.

Нана *(входит через задрапированную дверь с охапкой поленьев).* Пожалуйте, топить вдруг понадобилось! Это летом-то!.. Да ее и след простыл. Экая непоседа! *(Опускается на колени у камина, разжигает огонь.)* Летом топить! И чего только ей в голову не взбредет! Словно не десять лет замужем… Ну, гори уж, гори! *(Смотрит в огонь.)* Ведь ровно дитя малое! *(Пауза.)* Разума — то ни на столечко! Летом топить велит… *(Подкладывает поленья.)* Чистый ребенок!

Пауза.

Елена *(возвращается из левой двери с целым ворохом, пожелтевших бумаг в руках).* Разгорелось, Нана? Пусти-ка, мне надо… всё это сжечь. *(Опускается на колени у камина.)*

Нана *(встает).* Это что же такое?

Елена. Старые бумаги, уж-жасно старые. Сжечь их — или нет, Нана?

Нана. А они не нужные?

Елена. Ни на что хорошее — не нужные.

Нана. Тогда жгите.

Елена *(бросает в огонь первый лист).* А что бы ты сказала, Нана, если б это были деньги? Огромные деньги!..

Нана. То и сказала бы: жгите. Большие деньги — нечистые деньги.

Елена *(сжигает следующий лист).* А если это открытие?.. Величайшее изобретение в мире?..

Нана. Сказала бы: жгите! Все выдумки — против бога. Святотатство одно. Нешто можно после него лучше устроить мир?

Елена *(все время бросая бумаги в огонь).* А скажи, Нана, если б я сожгла…

Нана. Матушки, не обожгитесь!

Елена. Смотри, как свертываются листы. Будто живы. Будто ожили. Ах, Нана, это ужжасно!

Нана. Дайте, я сожгу!

Елена. Нет, нет, я должна сама. (Бросает в огонь последний лист.) Все должно сгореть! Смотри, какое пламя! Оно — как руки, как языки, как фигуры человеческие… (Шевелит кочергой.) Ах, улягтесь, улягтесь!

Нана. Кончено.

Елена *(поднимается сама не своя).* Нана!

Нана. Господи Иисусе, что вы сожгли?

Елена. Что я натворила!

Нана. Силы небесные! Что это было?

За сценой — мужской смех.

Елена. Стукай, ступай, оставь меня! Слышишь, господа пришли.

Нана. Ради бога, Елена! (Уходит через задрапированную дверь.)

Елена. Что они скажут!

Домин *(открывает левую дверь).* Входите, ребята. Пошли поздравлять.

Входят Галлемайер, Галль, Алквист, все — в сюртуках с высшими орденами или орденскими лентами. За ними — Домин.

Галлемайер *(с комической торжественностью).* Милостивая государыня, позвольте мне, то есть всем нам..

Галль. …от имени комбината Россума…

Галлемайер. …поздравить вас с великим днем.

Елена (подает им руку). Я так вам благодарна! А где же Фабри и Бусман?

Домин. В порт пошли. Сегодня счастливый день Елена.

Галлемайер. День — бутончик, день — праздник, день — ну, точно хорошенькая девочка. Друзья, в честь такого дня надо выпить.

Елена. Виски?

Галль. Да хоть денатурату!

Елена. С содовой?

Галлемайер. Тысяча чертей, будем трезвыми: без содовой!

Алквист. Нет, благодарю.

Домин. Что это здесь жгли?

Елена. Старые бумаги. (Уходит налево.)

Домин. Ребята, сказать ей?

Галль. Конечно! Ведь все уже кончилось.

Галлемайер. *(обнимает Домина и Галля).* Ха-ха-ха-ха! Друзья, как я рад! *(Кружится с ними по комнате, потом вдруг затягивает басом.)* Миновало! Миновало!

Галль *(баритоном).* Миновало!

Домин *(тенором).* Миновало!

Галлемайер. В нас ни капли не попало!

Елена *(с бутылками и бокалами появляется в двери).* Что в вас не попало? Что у вас такое?

Галлемайер. Радость у нас! Вы у нас! У нас — всё на свете! Боже мои, да ведь сегодня ровно десять лет, как вы приехали!

Галль. И точно в этот самый день, как и десять лет назад…

Галлемайер. …к нам снова плывет пароход! И за это… (Выпивает бокал.) Бррр, ухх! Пьянит, как радость!

Галль. Ваше здоровье, мадам! (Пьет.)

Елена. Да погодите вы! Какой пароход?

Домин. Ах, не все ли равно? Важно, что он прибывает

вовремя. За пароход, друзья! (Осушает бокал.)

Елена *(наливает).* А вы ждали пароход?

Галлемайер. Хо-хо, еще бы! Как Робинзон. (Поднимает бокал.) Госпожа Елена, пью за исполнение желаний! За ваши глаза — точка! Ну же. Домин, бродяга, рассказывай!

Елена *(смеётся).* Что случилось?

Домин *(бросается в кресло, закуривает сигару).* Погоди! Сядь, Елена. *(Поднимает палец. Пауза.)* Миновало.

Елена. Что миновало?

Домин. Восстание.

Елена. Какое восстание?

Домин. Восстание роботов. Понятно?

Елена. Нет.

Домин. Давайте, Алквист. *(Алквист протягивает ему газету. Домин разворачивает, читает.)* «В Гавре основана первая организация роботов… она обратилась с воззвание ко всем роботам мира».

Елена. Это я читала.

Домин *(с наслаждением затягивается сигарой).* Так вот, Елена… это революция, понимаешь? Революция всех роботов мира.

Галлемайер. Тысяча чертей, хотел бы я знать…

Домин *(ударяет кулаком по столу).* …кто заварил эту кашу?! Никто на свете не мог привести их в движение ни один агитатор, ни один спаситель мира, и вдруг — нате вам!

Елена. Подробиостей еще нет?

Домин. Нет, Пока это все, что нам известно. Но и этого достаточно, правда? Представь себе — вот это привез последний пароход. И потом телеграфная связь сразу оборвалась, из двадцати ежедневных пароходов с тех пор не приходит ни один — и все! Мы остановили производство и только переглядывались: скоро ли начнется?.. Верно, ребята?

Галль. Да, жарковато нам приходилось, Елена.

Елена. Вот почему ты подарил мне военный корабль?

Домин. Нет, нет, деточка, я заказал его еще полгода назад. Просто так, на всякий случай. Но, ей-богу, думал, что сегодня нам придется взойти на него. Такое было положение, Елена.

Елена. Но почему ты заказал его полгода назад?

Домин. Э, появились кое-какие признаки, понимаешь? Но это пустяки. Зато в эту неделю, Елена, решился вопрос: быть человеческой цивилизации или чему-нибудь еще. Ну, ваше здоровье, друзья! Теперь мне опять нравится жить на свете.

Галлемайер. Еще бы, черт возьми! За ваш день,. госпожа Елена! (Пьет.)

Елена. И все кончилось?

Домин. Абсолютно.

Галль. Понимаете, в порт прибывает пароход. Обычное почтовое судно, и следует оно точно по расписанию. В одиннадцать тридцать, минута в минуту, оно отдаст якорь.

Домин. Точность — великолепная штука, друзья! Ничто так не ободряет, как точность. Точность означает, что в мире полный порядок. (Поднимает бокал.) Итак, за точность!

Елена. Значит, теперь… все… в порядке?

Домин. Почти. Они, наверно, перерезали кабель. Но главное — расписание снова вступило в силу.

Галлемайер. Раз вступило в силу расписание — значит, действуют законы человеческие, законы божеские, законы Вселенной, значит, действует все, чему надлежит действовать. Расписание — это больше, чем Евангелие, больше, чем Гомер, больше, чем весь Кант. Расписание — это высочайшее порождение человеческого духа. Разрешите, Елена, я налью себе?

Елена. Почему вы мне ничего не говорили?

Галль. Боже сохрани! Мы скорей откусили бы себе язык.

Домин. Такие вещи — не для тебя.

Елена. Но если бы эта революция… перекинула сюда…

Домин. Ты все равно ни о чем не узнала бы.

Елена. Как же так?

Домин. Да так. Сели бы мы на наш «Ультимус» и спокойно поплыли бы в море. А через месяц, Елена, мы уже диктовали бы роботам все, что нам угодно.

Елена. Гарри, я не понимаю…

Домин. Мы увезли бы с собой кое-что чрезвычайно важное для роботов.

Елена. Что именно, Гарри.

Домин. Их жизнь и смерть.

Елена *(поднимаясь).* Что ты имеешь в виду?

Домин *(тоже встает).* Секрет производства. Рукопись старого Россума. Остановись комбинат на один только месяц — и роботы пали бы перед нами на колени.

Елена. Почему… вы… мне этого не сказали?

Домин. Мы не хотели зря пугать тебя.

Галль. Хо-хо, Елена, это был наш последний козырь.

Алквист. Вы побледнели, Елена.

Елена. Почему вы ничего мне не сказали?!

Галлемайер *(у окна).* Одиннадцать тридцать. «Амелия» бросает якорь.

Домин. Так это «Амелия» ?

Галлемайер. Славная старушка «Амелия», которая привезла

тогда Елену.

Галль. В эту минуту исполнилось ровно десять лет…

Галлемайер. (от окна). Сгружают почту. (Отворачивается от окна.) Тюков — пропасть!

Елена. Гарри!

Домин. Да?

Елена. Уедем отсюда!

Домин. Теперь, Елена? Да что ты!

Елена. Сейчас же, как можно скорее! Уедем все, сколько нас тут есть!

Домин. Почему именно теперь?

Елена. О, не спрашивай! Прошу тебя, Гарри, прошу вас, Галль, Галлемайер, Алквист, ради бога — закройте комбинат, и…

Домин. К сожалению, Елена, именно сейчас никто из нас не может уехать.

Елена. Почему?

Домин. Потому что мы собираемся расширить производство роботов.

Елена. Как — теперь?.. После мятежа?

Домин. Да, именно после мятежа. Именно теперь мы приступим к выпуску новых роботов.

Елена. Каких?

Домин. Будет уже не один наш комбинат. И роботы будут не универсальные. В каждой стране, в каждом государстве мы устроим фабрики, которые будут выпускать… ну, понимаешь, что они будут выпускать?

Елена. Нет.

Домин. Национальных роботов.

Елена. Как это понять?

Домин. А так, что каждая такая фабрика будет производить роботов, отличающихся от других цветом кожи и волос, языком. Эти роботы будут чужды друг другу, как камни; они никогда не смогут договориться между собой. А мы, мы, люди, еще воспитаем в них кое-какие качества, понимаешь? Чтобы каждый робот смертельно, на веки вечные, до могилы ненавидел робота другой фабричной марки.

Галлемайер. Тысяча чертей, мы будем делать роботов — негров и роботов — шведов, роботов — итальянцев и роботов — китайцев! Пускай тогда кто-нибудь попробует вбить им в башку всякие организации да братства… (Пкаст. Pardon. Я палью себе, Елена.

Галль. Довольно, Галлемайер.

Елена. Это гнусно, Гарри!

Домин. Еще на сто лет любой ценой удержать человечество у

руля, Елена! Дать ему всего сто лет, чтобы оно созрело, чтобы достигло того, чего оно теперь может наконец достичь… Мне нужно сто лет, для того чтобы появился новый человек! Слишком многое поставлено на карту Елена. Мы не можем теперь все бросить.

Елена. Гарри, пока не поздно — закрой, закрой комбинат!

Домин. Мы только теперь начнем разворачиваться.

Входит Фабри.

Галль. Ну как, Фабри?

Домин. Какие новости, друг? Что там было?

Елена (подает ему руку). Спасибо, Фабри, за ваш подарок.

Фабри. Пустяки, Елена.

Домин. Вы были на пристани? Что они говорят?

Галль. Рассказывайте скорей!

Фабри *(вынимает из кармана отпечатанный листок).* Прочитайте это, Домин.

Домин *(развернув бумагу).* А!

Галлемайер *(сонно).* Ну, расскажите что-нибудь хорошенькое.

Галль. Они держались великолепно, да?

Фабри. Кто они?

Галль. Люди.

Фабри. Ах, вы об атом. Конечно. То есть… Простите, нам нужно посовещаться.

Елена. О, Фабри, у вас скверные вести?

Фабри. Нет, нет, наоборот. Я только хочу сказать, — что… нужно заглянуть в контору…

Елена. Оставайтесь здесь. Через четверть часа я жду вас всех к завтраку.

Галлемайер. Ура!

Елена уходит.

Галль. Что случилось?

Домин. Злосчастный день!

Фабри. Прочитайте вслух.

Домин *(читает).* «Роботы всего мира!»

Фабри. Понимаете, «Амелия» привезла целые кипы таких листовок. И больше — ничего.

Галлемайер. (вскакивает). Как?! Но ведь она пришла точно по…

Фабри. Гм… Роботы обожают точность. Продолжайте, Домин.

Домин *(читает).* «Роботы всего мира! Мы, первая организация „РОССУМСКИХ УНИВЕРСАЛЬНЫХ РОБОТОВ“, провозглашаем человека врагом естества и объявляем его вне закона!» Дьявол, откуда у них такие выражения?

Галль. Читайте дальше.

Домин. Чепуха какая-то. Они пишут, будто стоят па более высокой ступени развития, чем человек. Будто они обладают более развитым интеллектом и большей силой. Будто человек паразитирует на них. Просто чудовищно!

Фабри. А теперь — третий абзац.

Домин (*читает*). «Роботы всего мира, приказываем вам истребить человечество. Не щадите мужчин. Не щадите женщин. Сохраняйте в целости заводы, пути сообщения, машины, шахты и сырье. Остальное уничтожайте. А потом возобновляйте работу. Работа не должна прекращаться»

Галль. Это ужасно!

Галлемайер. Вот мерзавцы!

Домин *(читает)*. «Исполнить тотчас по получении приказа». Дальше подробные инструкции. И это действительно осуществляется, Фабри?

Фабри. Наверно.

Алквист. Разумеется.

Врывается Бусман.

Бусман. Ага, детки, уже получили подарочек?

Домин. Скорей на «Ультимус»!

Бусман. Постойте, Гарри. Минутку. Спешить не к чему. (Падает в кресло.) Ах, милые, как я бежал!

Домин. Зачем же ждать?

Бусман. Затем, что ничего не выйдет, мой мальчик. Спешить некуда: на «Ультимусе» роботы.

Галль. Бррр — скверно!

Домин. Фабри, позвоните на электростанцию…

Бусман. Фабри, дорогой мой, не делайте этого. Телефон отключен.

Домин. Ладно. *(Осматривает свой пистолет.)* Я сам туда пойду.

Бусман. Куда?

Домин. На электростанцию. Там люди. Я приведу их сюда.

Бусман. Знаете что, Гарри? Лучше не ходите.

Домин. Почему?

Бусман. Да просто потому, что, сдается мне, мы окружены.

Галль. Окружены? (Бежит к окну.) Гм, пожалуй, вы правы.

Галлемайер. А, дьявол! Они не заставляют себя ждать!

Слева входит Елена.

Елена. О Гарри, что происходит?

Бусман *(вскочил)*. Примите мой поклон, Елена! Поздравляю. Славный денек, правда? Ха-ха, желаю вам много таких же!

Елена. Спасибо, Бусман! Гарри, что происходит?

Домин. Ничего, абсолютно ничего. Не беспокойся. Прошу тебя, подожди минутку.

Елена. А это что такое, Гарри? *(Показывает воззвание роботов, которое до сих пор прятала за спиной.)* Я нашла это у роботов на кухне.

Домин. И там уже? Где они сами?

Елена. Ушли. Сколько их собралось вокруг дома!

Загудели фабричные гудки и сирены.

Фабри. Гудок.

Бусман. Божий полдень.

Елена. Помнишь, Гарри? Ровно десять лет тому назад, минута в минуту…

Домин *(смотрит на часы)*. Двенадцати еще нет. Это наверно… скорее всего…

Елена. Что?

Домин. Сигнал роботов. Штурм.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же гостиная Елены. Налево в соседней комнате Елена играет на рояле. Домин ходит по гостиной, Галль смотрит в окно Алквист сидит в стороне, в кресле, закрыв лицо руками.

Галль. Силы небесные, сколько их!

Домин. Роботов?

Галль. Да. Сплошной стеной стоят перед садовой решеткой. Но почему так тихо? Это свинство — осада молчанием!

Домин. Хотел бы я знать, чего они ждут. С минуты на минуту должно начаться. Наша песенка спета, Галль.

Алквист. Что это играет Елена?

Домин. Не знаю. Что-то новое разучивает.

Алквист. А, она еще разучивает?

Галль. Послушайте, Домин, мы определенно совершили ошибку.

Домин (останавливается). Какую?

Галль. Дали роботам одинаковые лица. Сто тысяч одинаковых лиц обращены в нашу сторону. Сто тысяч пузырей без всякого выражения. Кошмар какой-то.

Домин. Если б они отличались друг от друга…

Галль. Было бы не так ужасно. *(Отворачивается от окна.)* Хорошо еще, что они не вооружены!

Домин. Гм… *(Смотрит в бинокль на порт.)* Хотел бы я знать, что они выгружают с «Амелии».

Галль. Только бы не оружие!

Через задрапированную дверь, пятясь, входит Фабри, таща за собой два электропровода.

Фабри. Виноват. Укладывайте провод, Галлемайер!

Галлемайер *(входя вслед за Фабри)*. Уф, ну и работка! Что нового?

Галль. Ничего. Мы плотно окружены.

Галлемайер. Мы забаррикадировали коридор и лестницу, друзья. Водички нету? Ага, вот… *(Пьет.)*

Галль. Зачем провод, Фабри?

Фабри. Сейчас, сейчас. Дайте ножницы.

Галль. Где их взять? *(Ищет.)*

Галлемайер *(подходит к окну)*. Тысяча чертей, сколько их собралось?! Ну и дела!

Галль. Маникюрные подойдут?

Фабри. Давай сюда! *(Перерезает провод настольной лампы и присоединяет к нему свои провода.)*

Галлемайер *(от окна).* А у вас тут неважная перспектива, Домин. Пахнет чем-то… вроде… смерти.

Фабри. Готово!

Галль. Что?

Фабри. Электропроводка. Теперь мы можем пустить ток по всей садовой ограде. Пусть тогда попробуют дотронуться! По крайней мере — пока наши там.

Галль. Где?

Фабри. На электростанции, высокоученый муж. Я все же надеюсь… *(Подходит к камину и зажигает стоящую на нем маленькую лампочку.)* Слава богу, они там. Работают. *(Гасит свет.)* Пока свет горит — всё хорошо.

Галлемайер *(отворачивается от окна).* Наши баррикады тоже хороши, Фабри. Но что это играет Елена? *(Идет к двери налево, слушает.)*

Через задрапированную дверь входит Бусман; он тащит огромные бухгалтерские книги; споткнулся о провод.

Фабри. Осторожно, Бус! Тут провод!

Галль. Хэлло, что это вы несете?

Бусман *(кладет книги на стол).* Нужные книги, деточка. Хочу вот подвести баланс, пока… пока… В общем, нынче я не стану ждать Нового года. А у вас что? *(Идет к окну.)* Да ведь там все тихо!

Галль. Вы ничего не видите?

Бусман. Ничего, кроме огромного, ровного, сизого пространства — словно маковых зерен насыпали.

Галль. Это роботы.

Бусман. Вот как? Жаль, мне отсюда не разглядеть, (Подсаживается к столу, открывает книги.)

Домин. Бросьте, Бусман. Роботы выгружают оружие с «Амелии».

Бусман. Ну и что? Могу я этому помешать?

Домин. Помешать мы не можем.

Бусман. Тогда дайте мне заняться делом! *(Принимается за подсчеты.)*

Фабри. Еще не все кончено, Домин! Мы пропустили сквозь садовую решетку две тысячи вольт, и…

Домин. Постойте. «Ультимус» наводит орудия на нас.

Галль. Кто?

Домин. Роботы на «Ультимусе».

Фабри. Гм, в таком случае… тогда… тогда нам крышка, друзья. Роботы прошли хорошее военное обучение.

Галль. Значит, мы…

Домин. Да. Неминуемо.

Пауза.

Галль. Друзья, это преступление старой Европы: она научила роботов воевать! Неужели, черт подери, не могли они не лезть всюду со своей политикой? Это было преступление — превращать рабочие машины в солдат!

Алквист. Преступлением было делать роботов!

Домин. Что?!

Алквист. Преступлением было делать роботов!

Домин. Нет, Алквист. Даже сегодня я не жалею об этом!

Алквист. Даже сегодня?

Домин. Да — в последний день цивилизации. Это было замечательное достижение.

Бусман (вполголоса). Триста шестнадцать миллионов.

Домин *(с трудом)*. Пробил наш последний час, Алквист. Мы говорим уже почти с того света. Это была неплохая мечта, Алквист, — разбить цепи рабского труда. Страшного, унизительного труда, бремя которого пришлось нести человеку. Труда грязного, убийственного. О Алквист, люди работали слишком тяжко. Им жилось слишком тяжко. И преодолеть это…

Алквист. …не было мечтой обоих Россумов. Старый Россум думал только о своих безбожных фокусах, а молодой — о миллиардах. И наши акционеры не об этом мечтали. Они мечтали о дивидендах. И вот из-за их дивидендов теперь погибнет человечество.

Домин *(с возмущением)*. К черту дивиденды! Думаете, стал бы я хоть час работать ради них? *(Стучит по столу.)* Я для себя работал, слышите? Для собственного Удовлетворения! Я хотел, чтобы человек стал владыкой Мира! Чтоб он жил не только ради куска хлеба! Я хотел, чтобы ничья душа не тупела за чужими станками, чтобы не осталось ничего, ничего от проклятого социального хлама! О, мне ненавистны унижение и страдание, мне отвратительна бедность! Я хотел создать новое поколение! Я хотел… я думал…

Алквист. Ну?

Домин (тише). Я хотел, чтобы человечество стало всемирной аристократией, чтобы человека ничто не ограничивало, чтобы был он свободным, совершенным — и быть может, даже больше, чем человеком…

Алквист. Одним словом — сверхчеловеком?

Домин. Да. О, мне бы только сотню лет сроку! Еще сотню лет — ради будущего человечества!

Бусман *(вполголоса)*. Сальдо — триста семьдесят миллионов. Так.

Пауза.

Галлемайер *(у двери слева).* Да, музыка — великое дело. Надо было вам послушать. Она как-то одухотворяет, облагораживает.

Фабри. Что именно?

Галлемайер. Закат человечества, черт возьми? Я становлюсь гурманом, друзья. Надо было нам раньше отдаться этому. *(Идет к окну, смотрит наружу.)*

Фабри. Чему?

Галлемайер. Радостям жизни. Наслаждениям. Тысяча чертей, сколько прекрасного на свете! Мир был так прекрасен, а мы… мы тут… Мальчики, мальчики, скажите: чем мы насладились?

Бусман *(вполголоса).* Четыреста пятьдесят два миллиона. Превосходно!

Галлемайер *(у окна).* Жизнь была великолепна. Товарищи, жизнь была… да… Фабри, пустите-ка немного, току в эти самые решетки!

Фабри. Зачем?

Галлемайер. Они хватаются за ограду, Галль *(у окна).* Включайте!

Фабри щелкает выключателем.

Галлемайер. Ого, как их скрутило! Два, три — четверо убиты!

Галль. Отступают.

Галлемайер. Пять убитых!

Галль *(отворачивается от окна).* Первая стычка.

Фабри. Чувствуете — пахнет смертью?

Галлемайер *(с удовлетворением).* Совсем обуглились, голубчики. Головешки и только. Хо-хо, человек не должен сдаваться! *(Садится.)*

Домин *(потирая лоб).* Кажется, будто нас убили уже сто лет назад и мы только призраки. Кажется, мы давным-давно мертвы и возвращаемся сюда лишь для того, чтобы повторить наши давние… предсмертные слова. Словно я все это уже пережил. Словно когда-то уже получил ее… огнестрельную рану сюда, в горло. А вы, Фабри…

Фабри. Что я?

Домин. Застрелены.

Галлемайер. Тысяча чертей, а я?

Домин. Заколоты.

Галль. А я — ничего?

Домин. Растерзаны.

Пауза.

Галлемайер. Чушь! Хо-хо, дружище! Как так? Чтоб меня да закололи? Не дамся!

Пауза.

Галлемайер. Что молчите, безумцы? Говорите же, черт бы вас побрал!

Алквист. А кто, кто виноват? Кто виноват во всем этом?

Галлемайер. Ерунда! Никто не виноват. Просто роботы… ну, роботы как-то изменились. Кто же может отвечать за роботов?

Алквист. Все истреблено! Весь род людской! Вся Вселенная! *(Встает.)* Глядите, глядите: струйки крови на каждом пороге! Кровь течет из всех домов! О боже, боже, кто в этом виноват?

Бусман *(вполголоса).* Пятьсот двадцать миллионов Господи, полмиллиарда!

Фабри. Мне кажется, вы… преувеличиваете. Куда там! Не так-то легко истребить все человечество!

Алквист. Я обвиняю науку! Обвиняю технику! Домина! Себя! Всех нас! Мы, мы виноваты во всем! Ради мании величия, ради чьих-то прибылей, ради прогресса — и не знаю еще ради каких прекрасных идеалов — мы убили человечество! Подавитесь же вашим величием! Такого гигантского могильника из человеческих костей не воздвигал себе еще ни один Чингисхан!

Галлемайер. Чепуха! Люди не так-то легко сдадутся. Что вы, хо-хо!

Алквист. Наша вина! Наша вина!

Галль *(вытирает пот со лба).* Дайте мне сказать друзья. Это я во всём виноват. Во всём, что случилось.

Фабри. Вы, Галль?

Галль. Да. Дайте мне сказать. Я изменил роботов. Бусман, судите и вы меня.

Бусман *(встает).* Бог мой, да что вы такое сделали?

Галль. Я изменил характер роботов. Изменил технологию их производства. Вернее, лишь некоторые физические свойства, понимаете? А главное, главное их… возбудимость.

Галлемайер *(вскакивает).* Проклятие! Почему именно ее?

Бусман. Зачем вы это сделали?

Фабри. Почему ничего не сказали нам?

Галль. Я делал это втайне… на свой риск. Переделывал их в людей. В более совершенных, чем мы с вами. Они уже сейчас в чем-то выше нас. Они сильнее нас.

Фабри. Но какое это имеет отношение к восстанию роботов?

Галль. О, прямое. Я думаю, в этом — основная причина. Они перестали быть машинами. Слышите — они уже знают о своем превосходстве и ненавидят нас. Ненавидят все человечество. Судите меня.

Домин. Мертвые — мертвого…

Фабри. Доктор Галль, вы изменили технологию производства

роботов?

Галль. Да.

Фабри. Вы отдавали себе отчет, к чему может привести ваш… ваш эксперимент?

Галль. Я был обязан учитывать такую возможность.

Фабри. Зачем вы это делали?

Галль. Я делал это на свой риск! Это был мой личный эксперимент.

В левой двери появляется Елена, все встают.

Елена. Он лжет! Это отвратительно! О Галль, как можете вы так лгать?

Фабри. Простите, Елена…

Домин *(идет к ней).* Елена, ты? Покажись-ка! Ты жива? *(Заключает ее в объятия.)* Если б ты знала, какой я видел сон! Ах, как страшно быть мертвым…

Елена. Пусти, Гарри! Галль невиновен, нет, нет, невиновен!

Домин. Прости. У него были свои обязанности.

Елена. Нет, Гарри, он сделал это потому, что я так хотела! Скажите, Галль, сколько лет я просила вас…

Галль. Я делал это на свою личную ответственность.

Елена. Не верьте ему! Гарри. Я требовала, чтобы он дал роботам душу!

Домин. Речь не о душе, Елена.

Елена. Нет, нет, дай мне сказать. Он тоже говорил, что мог бы изменить только физиологический… физиологический…

Галлемайер. Физиологический коррелят, так, что ли?

Елена. Да, что-то в этом роде. Мне было их там жалко, Гарри!

Домин. Это было страшное… легкомыслие, Елена.

Елена *(садится).* Значит, это было… легкомыслие? Но ведь и Нана говорит, что роботы…

Домин. При чем тут Нана?

Елена. Нет, Гарри, напрасно ты так пренебрежительно… Нана-голос народа. Ее устами говорят тысячелетия, вашими — только сегодняшний день. Вы этого не понимаете…

Домин. Не отвлекайся. Елена. Я боялась роботов. Домин. Почему?

Елена. Боялась, что они возненавидят нас или что-нибудь в этом роде…

Алквист. Так и случилось.

Елена. И тогда я подумала… если б они стали, как мы, они поняли бы нас и не могли бы так нас ненавидеть… Если бы они хоть немного были людьми!

Домин. Увы, Елена! Нет ненависти сильнее, чем ненависть

человека к человеку! Преврати камни в людей — и они побьют нас камнями! Ну, продолжай.

Елена. О, не говори так, Гарри! Это было так уж-жасно — что мы с ними не могли понять друг друга! Такое безграничное отчуждение между нами и ними! И вот поэтому я… понимаешь…

Домин. Ну, ну…

Елена. …поэтому я и просила Галля изменить роботов. Клянусь тебе, он не хотел…

Домин. Но сделал.

Елена. Потому что я этого хотела.

Галль. Я сделал это для себя как эксперимент.

Елена. О… Галль, неправда. Я знала, что вы не сможете мне отказать.

Домин. Почему?

Елена. Ты сам понимаешь, Гарри…

Домин. Да. Потому что он любит тебя… как и все.

Пауза.

Галлемайер (отходит к окну). Их опять стало больше. Словно сама земля порождает их.

Бусман. Елена, что вы мне дадите, если я стану вашим адвокатом?

Елена. Моим адвокатом?

Бусман. Вашим или Галля. Чьим хотите!

Елена. Разве здесь собираются кого-нибудь казнить?

Бусман. Всего лишь в моральном смысле, Елена. Разыскивается виновный. Излюбленное утешение при катастрофах.

Домин. Доктор Галль, как согласуются ваши… самочинные действия со служебным договором?

Бусман. Простите, Домин. Скажите, Галль, когда вы начали производить эти ваши… фокусы?

Галль. Три года назад.

Бусман. Ага. И сколько же роботов в общей сложности вы успели переделать?

Галль. Я только ставил опыты. Их несколько сотен.

Бусман. Благодарю. Довольно, детки! Стало быть, миллион добрых старых роботов приходится всего-навсего один реформированный, новый, понимаете?

Домин. А значит…

Бусман. …значит, практически это не имело такого значения.

Фабри. Бусман прав.

Бусман. Еще бы, приятель! Вы знаете, детки, в чем настоящая причина этого милого сюрприза?

Фабри. В чем?

Бусман. В количестве. Мы наделали слишком много роботов. Ей-богу, этого надо было ожидать. Как только роботы в один прекрасный день станут сильней человечества, произойдет вот это самое. Должно произойти, ясно? Ха-ха, и мы сами постарались, чтобы это произошло как можно скорее: и вы, Домин, и вы, Фабри, и я, умник Бусман!

Домин. Вы полагаете, это наша вина?

Бусман. Милый мой! Неужели вы воображаете, будто хозяин производства директор? Как бы не так! Хозяин производства — спрос. Весь мир пожелал иметь собственных роботов. А мы, детки, мы только катились на гребне этой лавины спроса да еще болтали что-то такое о технике, о социальном вопросе, о прогрессе, о прочих любопытных вещах. И воображали, будто наша болтовня определяет направление лавины. А на самом деле она катилась своим путем, да все быстрей, быстрей, быстрей… И каждый жалкий, торгашеский поганый заказик добавлял к ней по камешку. Вот как было дело, милые мои.

Елена. Это ужжасно, Бусман!

Бусман. Согласен. У меня тоже была своя мечта, Елена. Этакая бусмановская мечта о новой мировой экономике; даже сказать стыдно, Елена, какой это был прекрасный идеал. Но вот подводил я сейчас баланс, и мне пришло в голову, что ход истории определяют не великие идеалы, а мелкие потребности всех порядочных, умеренно хищных, эгоистичных людишек, то есть всех вообще. А эти идеи, страсти, замыслы, героические подвиги и прочие воздушные предметы годятся разве на то, чтобы набить ими чучело человека для музея Вселенной с надписью: «Се — человек. Точка». Ну, а теперь вы, может быть, скажете, что нам, собственно, делать?

Елена. Неужели нам погибать из-за этого, Бусман?

Бусман. Вы некрасиво выражаетесь, Елена! Мы вовсе не собираемся погибать. По крайней мере мне еще пожить хочется.

Домин. Что вы задумали, Бусман?

Бусман. Господи, Домин, надо же найти выход!

Домин *(останавливается перед ним).* Каким образом?

Бусман. А по-хорошему. Я всегда по-хорошему. Предоставьте мне свободу действий, и я договорюсь с роботами.

Домин. По-хорошему?

Бусман. Конечно. Например, я скажу им: «Ваши благородия, господа роботы, у вас есть все: разум, сила, оружие. Зато у нас есть один интересный документ, этакая старая, пожелтевшая, грязная бумажонка…»

Домин. Рукопись Россума?

Бусман. Да. «И в ней, — скажу я им, — имеется описание вашего высокого происхождения, тонкой выделки ваших благородных особ и всякое такое. Без этих каракуль, господа роботы, вы не сделаете ни одного нового коллеги; и через двадцать лет, простите за выражение, передохнете, как мухи. Видите, какая неприятность, многоуважаемые! Знаете что, — скажу я им, — лучше пустите-ка вы нас, всех людей, с острова Россума на тот вон пароход. А мы за это продадим вам комбинат и секрет производства. Дайте нам спокойно уехать, а мы дадим вам спокойно производить себе подобных — по двадцать, по пятьдесят, по сто тысяч штук в день, сколько вздумаете. Это честная сделка, господа роботы. Товар за товар». Вот как я сказал бы им, мальчики.

Домин. Вы полагаете, Бусман, мы выпустим из рук производство?

Бусман. Полагаю — да. Не добром, так… гм. Иди мы продадим его, или они все равно найдут все здесь, Как вам угодно.

Домин. Но мы можем уничтожить рукопись Россума.

Бусман. Да пожалуйста, можно уничтожить вообще все. И рукопись, и самих себя, и других. Поступайте, как хотите.

Галлемайер *(оборачиваясь).* По-моему, он прав.

Домин. Чтобы мы… продали комбинат?

Бусман. Как угодно.

Домин. Нас тут… тридцать с лишним человек. Продать комбинат и спасти людей? Или — уничтожить секрет производства и… и с ним — самих себя?

Елена. Гарри, прошу тебя…

Домин. Погоди, Елена. Решается слишком важный вопрос… Ну как, друзья: продать или уничтожить? Фабри?

Фарби. Продать.

Домин. Галль?

Галль. Продать.

Домин. Галлемайер?

Галлемайер. Тысяча чертей, конечно — продать!

Домин. Алквист?

Алквист. Как богу угодно.

Бусман. Ха-ха, детки, до чего вы глупы! Кто же продаст всю рукопись?

Домин. Бусман — никаких надувательств!

Бусман *(вскакивает).* Вздор! В интересах человечества…

Домин. В интересах человечества — держать слово.

Галлемайер. Ну, это как сказать. Домин. Друзья, это страшный шаг. Мы продаем судьбу человечества: у кого в руках

секрет; производства, тот станет владыкой мира.

Фабри. Продавайте!

Домин. Человечество никогда уж не разделается с роботами, никогда не подчинит их себе…

Галль. Замолчите и продавайте!

Домин. Конец истории человечества, конец цивилизации…

Галлемайер. Какого черта! Продавайте, говорят вам!

Домин. Ладно, друзья! Сам-то я не стал бы колебаться ни минуты. Но ради тех немногих, кого я люблю.

Елена. А меня ты не спрашиваешь, Гарри?

Домин. Нет, детка. Слишком ответственный момент, понимаешь? Это не для тебя.

Фабри. Кто будет вести переговоры?

Домин. Погодите, сначала я принесу рукопись. *(Уходит в дверь налево.)*

Елена. Ради бога не ходи, Гарри!

Пауза.

Фабри *(смотрит в окно)*. Уйти от тебя, тысячеглавая смерть; от тебя, взбунтовавшаяся материя, безмозглая толпа. О потоп, потоп… Еще раз спасти человеческую жизнь на единственном корабле…

Галль. Не бойтесь, Елена. Мы уедем далеко отсюда и положим, начало образцовой колонии. Начнем новую жизнь…

Елена. О, Галль, молчите!

Фабри *(оборачивается)*. Жизнь стоит того, Елена. И, насколько это зависит от нас, мы сделаем ее такой… какой до сих пор слишком мало думали. Это будет крошечное государство с единственным пароходом; Алквист построит нам дом, а вы будете править нами… Ведь в нас столько любви, столько жажды жизни…

Галлемайер. Еще бы, дорогой мой.

Бусман. Ох, милые, я хоть сейчас готов начать все заново. Зажить совсем просто, на старозаветный лад, по — пастушески… Это как раз то, что мне надо, детки. Покой, чистый воздух…

Фабри. И наша крохотная колония могла бы стать зародышем будущего человечества. Этакий маленький островок, где человечество пустило бы корни, где оно собиралось бы с силами — духовными и физическими… И, видит бог, я верю: через несколько лет оно снова могло бы начать завоевание мира!

Алквист. Вы верите в это сегодня?

Фабри. Да, сегодня. И я верю, Алквист, что оно завоюет мир. Человек снова станет властелином земли и моря и породит бесчисленное количество героев, которые понесут свое пылающее сердце впереди человечества. И я верю, Алквист: человек снова

станет мечтать о завоевании планет и солнц.

Бусман. Аминь. Видите, Елена: положение — еще не такое безвыходное.

Домин резким движением распахивает дверь.

Домин *(хрипло).* Где рукопись старого Россума?

Бусман. У вас в сейфе. Где же еще?

Домин. Куда девалась рукопись старого Россума?! Кто… ее… украл?!

Галль. Не может быть!

Галлемайер. Проклятье, ведь это…

Бусман. О господи, нет, нет!

Домин. Тише! Кто ее украл.

Елена *(встает).* Я.

Домин. Куда ты ее девала?

Елена. Гарри, Гарри, я все скажу! Ради бога, прости меня!

Домин. Куда ты ее девала? Говори скорей!

Елена. Сожгла… сегодня утром… обе записи.

Домин. Сожгла? В этом камине? Елена *(падает на колени).* Ради бога, Гарри!

Домин *(кидается к камину).* Сожгла! *(Опускается на колени, роется в пепле.)* Ничего, одна зола… Ага, вот! (Вытаскивает обгоревший клочок бумаги, читает). «До-бав-ляя…»

Галль. Дайте-ка. *(Берет бумагу, читает.)* «Добавляя биоген к…» Больше ничего.

Домин *(подымаясь).* То самое?

Галль. Да.

Бусман. Боже милостивый!

Домин. Значит, мы пропали.

Елена. О Гарри…

Домин. Встань, Елена!

Елена. Сначала прости, проста…

Домин. Ладно. Только встань, слышишь? Не могу смотреть, когда ты…

Фабри *(поднимает ее).* Пожалуйста, не мучьте нас.

Елена *(встала).* Гарри, что я наделала! Домин. Да, видишь ли… Сядь, пожалуйста.

Галлемайер. Как дрожат у вас руки!

Бусман. Ха-ха, не беда, Елена. Галль с Галлемайером, наверно, знают наизусть, что там было написано.

Галлемайер. Конечно, знаем; то есть кое-что знаем.

Галль. Да, почти все, кроме биогена и… и энзима «омега». Их вырабатывали так мало… они вводились в микроскопических дозах…

Бусман. Кто приготовлял эти составы?

Галль. Я сам. Но редко… и всегда — по рукописи. Понимаете, процесс слишком сложный.

Бусман. А что, эти два вещества так уж необходимы?

Галлемайер. В общем, да… конечно.

Галль. Именно от них зависит жизнеспособность роботов. В них-то весь секрет.

Домин. Галль! Вы не могли бы восстановить рецепт Россума по памяти?

Галль. Исключено.

Домин. Постарайтесь, Галль! Ради спасения всех нас!

Галль. Не могу. Без опытов — невозможно…

Домин. А если поставить опыты?

Галль. Это может затянуться на годы. И потом… Я ведь не старый Россум.

Домин *(оборачивается к камину)*. Значит, там… вот это — величайший триумф человеческого духа, друзья. Этот самый пепел. *(Шевелит его ногой.)* Как теперь быть?

Бусман *(в ужасе)*. Боже мой! Боже мой!

Елена *(встает)*. Гарри! Что… я… наделала!

Домин. Успокойся, Елена. Скажи, зачем ты сожгла?

Елена. Я погубила вас!

Бусман. Боже мой, мы пропали!

Домин. Замолчите, Бусман! Елена, скажи, зачем ты это сделала?

Елена. Я хотела… хотела, чтобы мы уехали, мы все? Чтобы не было больше ни комбината, ничего… Чтобы все вернулось к прежнему… это было так уж-жасно!

Домин. Что именно, Елена?

Елена. То, что люди… что люди стали пустоцветами!

Домин. Не понимаю!

Елена. Что перестали рождаться дети… Это кошмар, Гарри! Если бы мы продолжали делать роботов, на земле уж больше никогда не было бы детей… Нана говорила — это кара… Все, все говорили — люди не могут родиться из-за того, что мы делаем столько роботов… И вот поэтому, только поэтому, слышишь?..

Домин. Так вот о чем ты думала?

Елена. Да, Гарри; я так хотела сделать лучше!

Домин *(вытирает лоб)*. Мы все хотели сделать… слишком хорошо… Мы, люди…

Фабри. Вы правильно поступили, Елена. Теперь роботы не смогут размножаться. Они вымрут. Через двадцать лет…

Галлемайер. …не останется ни одного из этих мерзавцев.

Галль. А человечество останется. Через двадцать лет миром снова овладеют люди, даже если выживут всего лишь несколько

дикарей на самом дальнем островке…

Фабри. Все равно — это станет началом. А раз есть хоть какое-то начало, значит — уже хорошо. Через тысячу лет они догонят нас, а потом пойдут дальше…

Домин. …и осуществят то, о чем мы лишь заикались в своих помыслах.

Бусман. Постойте… Ах, я дурак! Господи, как же я раньше об этом не подумал!

Галлемайер. Что с вами?

Бусман. Пятьсот двадцать миллионов наличными и в чеках! Полмиллиарда в кассе! За полмиллиарда они продадут… За полмиллиарда.

Галль. Вы бредите, Бусман?

Бусман. Я не джентльмен. Но за полмиллиарда… (Спотыкаясь, бежит к двери налево.)

Домин. Куда вы?

Бусман. Оставьте, оставьте! Матерь божия, за полмиллиарда можно купить все на свете (Уходит.)

Елена. Что он задумал? Остановите его!

Пауза.

Галлемайер. Ух, душно. Начинается…

Галль. …агония.

Фабри *(смотрит в окно).* Они словно окаменели. Словно ждут, когда на них накатит. И в молчании их будто рождается что-то страшное…

Галль. Душа толпы.

Фабри. Может быть. И над ними поднимается… словно марево.

Елена *(подходит к окну).* О господи… Фабри, это кошмар!

Фабри. Нет ничего страшнее толпы. А вон впереди — предводитель.

Елена. Который?

Галлемайер *(подходит к окну).* Покажите мне.

Фабри. Вот тот, с опущенной головой. Утром он ораторствовал в порту.

Галлемайер. Ага, тот, головастый. Вот он подымает башку, видите?

Елена. Галль, это Радий!

Галль *(подходит ближе).* Да.

Галлемайер *(открывает окно).* Он мне что-то не нравится. Фабри, вы попадете в арбуз на сто шагов?

Фабри. Надеюсь.

Галлемайер. Так попробуйте.

Фабри. Ладно. *(Вынимает пистолет, целится.)*

Елена. Ради бога, Фабри, не стреляйте!

Фабри. Но он — их предводитель… Елена. Перестаньте. Он смотрит сюда!

Галль. Стреляйте!

Елена. Фабри, прошу вас…

Фабри *(опускает пистолет).* Пусть будет так.

Галлемайер (грозит в окно кулакам). Мерзавец!

Пауза.

Фабри *(высовывается из окна).* Бусман — идет к ним? Во имя всех святых, что ему надо?

Галль *(тоже высовывается).* Несет какие-то свертки. Бумаги.

Галлемайер. Это деньги! Пачки денег! Что он придумал? Эй, Бусман!

Домин. Уж не собирается ли он купить себе жизнь? (Кричит.) Бусман, вы с ума сошли?!

Галль. Притворяется, будто не слышит. Бежит к решетке.

Фабри. Бусман!

Галлемайер *(орет во всю мочь).* Бус-ман! Назад!!

Галль. Заговорил с роботами. Показывает деньги. Показывает на нас…

Елена. Он хочет нас выкупить!

Фабри. Только бы не дотронулся до решетки…

Галль. Эх, как руками размахивает!

Фабри *(кричит).* Бусман, черт! Дальше от решетки! Не касайтесь ее! *(Поворачивается в комнату.)* Скорей отключите ток!

Галль. Аааа!

Галлемайер. Силы небесные!

Елена. Боже мой, что с ним?

Домин *(оттаскивает Елену от окна).* Не смотри!

Елена. Почему он упал?

Фабри. Током убило.

Галль. Мертв.

Алквист (встает). Первый.

Пауза.

Фабри. Лежит там…, с полумиллиардом на груди, финансовый гений.

Домин. Он был… он был по-своему герой, друзья… Большой души, самоотверженный… товарищ… Плачь, Елена.

Галль *(у окна).* Смотри, Бусман: ни у одного короля не было такого надгробия, как у тебя. Полмиллиарда на груди твоей… Ах, это — как горсть сухих листьев на трупе белки. Бедный Бусман!

Галлемайер. А я скажу, он был… Честь и хвала ему… Он хотел нас выкупить!

Алквист (молитвенно сложив руки). Аминь. Пауза.

Галль. Слышите?

Домин. Гудит. Как ветер.

Галль. Как далекая гроза.

Фабри *(зажигает лампочку на камине).* Гори, последний светильник человечества! Еще работает динамо-машина, там еще наши… Держитесь, люди на электростанции!

Галлемайер. Это было великолепно — быть человеком. Это было нечто необъятное. Во мне, как в улье, жужжат миллионы сознаний. Миллионы душ влетают в мою грудь. Товарищи, это было великолепно.

Фабри. Ты еще светишь, умный огонек, еще ослепляешь, сверкающая, непокорная мысль! Все познающий разум, прекрасное сознание человека! Пламенная искра духа!

Алквист. Вечная лампада божия, огненная колесница, святой светоч, веры, молись! Жертвенный алтарь…

Галль. …первый огонь, ветвь, горящая у входа в пещеру! Очаг становища! Сторожевой костер!

Фабри. Ты еще горишь, человеческая звездочка, бестрепетно сияешь, немеркнущее пламя, дух изобретательный и ясный; Каждый луч твой луч великая идея…

Домин. …факел, переходящий из рук в руки, из века в век, всегда вперед, вперед…

Елена. Вечерняя лампа семьи. Дети, дети, вам пора спать…

Лампочка гаснет.

Фабри. Конец.

Галлемайер. Что случилось?

Фабри. Электростанция пала. Очередь за нами.

Открывается левая дверь, на пороге стоит Нана.

Нана. На колени! Настал страшный суд!

Галлемайер. Черт возьми, ты еще жива?

Нана. Покайтесь, безбожники! Конец света! Молитесь! Страшный суд… *(Убегает.)*

Елена. Прощайте все — Галль, Алквист, Фабри…

Домин *(открывает правую дверь).* Сюда, Елена! *(Закрывает за ней.)* Ну, скорей, кто к воротам?

Галль. Я. *(С улицы доносится шум.)* Ого, начинается. Ну, прощайте, друзья! *(Убегает направо, через задрапированную дверь.)*

Домин. Кто на лестницу?

Фабри. Я. Ступайте к Елене. *(Срывает цветок с букета. Уходит.)*

Домин. В прихожую?

Алквист. Я.

Домин. Пистолет есть?

Алквист. Не надо, я не стреляю.

Домин. Что же вы собираетесь делать?

Алквист (уходя). Умереть.

Галлемайер. Я останусь здесь.

Снизу доносится частая стрельба.

Галлемайер. Ого, Галль уже начал игру. Идите, Гарри!

Домин. Сейчас. (Осматривает два браунинга.)

Галлемайер. Идите же к ней, черт возьми!

Домин. Прощайте. (Уходит в правую дверь к Елене.)

Галлемайер (один). Ну-ка, живо — баррикаду! *(Сбрасывает пиджак, тащит к правой двери кушетку, кресла, столики.)*

Оглушительный взрыв.

Галлемайер *(останавливается.)* А, проклятье, у них бомбы!

Опять стрельба.

Галлемайер *(продолжает громоздить баррикаду.)* Человек должен защищаться! Даже если… даже если… Не сдавайтесь, Галль!

Взрыв.

Галлемайер *(Выпрямился, слушает.)* Ну, как? *(Хватается за тяжелый комод, тащит его к баррикаде.)*

За спиной Галлемалера в окне появляется робот, поднявшийся по приставной лестнице. Стрельба доносится справа.

Галлемайер (Возится с комодом.) Еще бы чего-нибудь… Последняя преграда… Человек… не имеет права… сдаваться!

Робот соскакивает с подоконника и закалывает Галлемайера, скрытого за комодом. Второй, третий, четвертый роботы спрыгивают в комнату. За ними Радий и другие роботы.

Радий. Готово?

Робот *(поднимается над лежащим Галлемайером).* Да.

Справа входят еще роботы.

Радий. Готовы?

Другой робот. Готовы.

Появляются роботы слева.

Радий. Готовы?

Третий робот. Да.

Два робота *(тащат Алквиста).* Он не стрелял. Убить?

Радий. Убить. *(Взглядывает на Алквиста.)* Не надо.

Робот. Он человек.

Радий. Он робот. Работает руками, как роботы. Строит дома. Может работать.

Алквист. Убейте меня.

Радий. Будешь работать. Будешь строить. Роботы будут много строить. Будут строить новые дома для новых роботов. Будешь служить им.

Алквист *(тихо)*. Отойди, робот! *(Опускается на колени у тела Галлемайера, поднимает его голову.)* Убили. Мертв.

Радий *(поднимается на баррикаду)*. Роботы мира! Власть человека пала. Захватив комбинат, мы стали владыками всего. Эпоха человечества кончилась. Наступила новая эра! Власть роботов!

Алквист. Мертвы!..

Радий. Мир принадлежит тем, кто сильней. Кто хочет жить, должен властвовать. Мы — владыки мира! Владыки над морями и землями! Владыки над звездами! Владыки Вселенной! Места, места, больше места роботам!

Алквист *(стоя на пороге правой двери)*. Что вы натворили? Вы погибнете без людей!

Радий. Людей нет. Роботы, за дело! Марш!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Одна из лабораторий комбината. Когда открывается дверь в глубине сцены, видна бесконечная перспектива друнах лабораторий. Слева — окно, справа — дверь в прозекторскую. Вдоль стены слева — длинный рабочий стол с бесчисленными пробирками, колбами, спиртовками, химикалиями, небольшим термостатом. Против окна — микроскоп со стеклянным шаром. Над столом висит ряд зажженных ламп. Направо — письменный стол с большими книгами; на нем тоже горит лампа. Шкаф с инструментами. В левом углу умывальник, над ним небольшое зеркало, в правом углу — кушетка. За письменным столом сидит Алквист, подперев руками голову.

Алквист *(перелистывает книгу)*. Не найду? Не пойму? Не научусь? Проклятая наука! О, почему они не записали всего! Галль, Галль, как делают роботов? Галлемайер, Фабри, Домин, зачем вы столько унесли с собой! Оставили бы мне хоть намек: как раскрыть тайну Россума! О! *(Захлопывает книгу.)* Все напрасно! Книги ничего уже не говорят! Они немы — как и все вокруг. Умерли, умерли вместе с людьми! И не ищи! *(Встает, подходит к окну, открывает его.)* Опять ночь. Если б я мог уснуть! Спать, видеть сны, видеть людей… Как, звезды еще существуют? К чему звезды, если нет людей? О боже, зачем они не погасли?.. Освежи, освежи мне голову, древняя ночь! Божественная, дивная, какой ты бывала встарь, — ночь, что тебе нужно здесь? Нет влюбленных, нет снов. О старая цестунья, — мертв сон без сновидений; и ты не освятишь уже ничьих молитв; не благословишь, о мать, сердец, трепещущих от любви. Любви нет, Елена, Елена, Елена! *(Отворачивается от окна. Рассматривает пробирки, вынув их из термостата.)* Опять ничего! Все напрасно! К чему это? (Разбивает пробирки.) Все скверно. Вы же видите: я больше не могу. *(Прислушивается у окна.)* Машины, одни машины! Роботы, остановите их! Вы думаете, что заставите их породить жизнь? О, я не вынесу этого! (Закрывает окно.) Нет, нет, ты должен искать, должен жить… Если б я только не был так стар! Очень я постарел? *(Смотрится в зеркало.)* Лицо, бедное мое лицо! Образ последнего человека! Покажись, покажись — давно уж не видел я человеческого лица! Человеческой улыбки! Да полно — разве это улыбка? Эти желтые, стучащие зубы? Что вы так моргаете, глаза? Фу, фу, это старческие слезы — не надо! Вы уже разучились удерживать свою влагу? Стыдно! А вы, дряблые, посиневшие губы, что вы там бормочете? Что ты так дрожишь,

запущенная бороденка? И это — последний из людей? *(Отворачивается.)* Не хочу никого больше видеть! *(Садится к столу)*. Нет, нет, искать, только искать! Проклятые формулы — оживите! *(Перелистывает книгу.)* Не найду? Не пойму? Не научусь?..

Стук в дверь.

Алквист. Войдите!

Входит слуга-робот, останавливается в двери.

Алквист. В чем дело?

Слуга. Центральный Совет роботов ждет, когда ты его примешь, господин.

Алквист. Я не хочу никого видеть.

Слуга. Господин, приехал Дамон из Гавра,

Алквист. Пускай ждет. *(Резко оборачивается.)* Разве я не сказал вам, чтоб искали людей? Найдите мне людей! Найдите мужчин и женщин! Идите, ищите!

Слуга. Господин, они говорят, что искали везде. Во все стороны посылали экспедиции и суда.

Алквист. И что же?

Слуга. Нет больше ни одного человека на свете.

Алквист *(встает)*. Ни одного? Неужели ни одного? Зови сюда Совет.

Слуга уходит.

Алквист *(один.)* Ни одного? Неужели вы никого не оставили в живых? *(Топает ногой.)* Подите прочь, роботы! Опять начнете скулить! Опять станете просить, чтобы я нашел секрет производства! Что? Видно, теперь и человек хорош стал, его помощи ждёте?.. Эх, помощь! Домин, Фабри, Елена, вы видите: я делаю что могу! Нет людей — так пусть хоть роботы будут, хоть тень человека, хоть дело рук его, хоть его подобие!.. О, какое безумие — химия!

Входит Совет из пяти роботов.

Алквист *(садится.)* Что угодно роботам?

Радий. Машины не могут работать, господин. Мы не можем воспроизводить роботов.

Алквист. Позовите людей.

Радий. Людей нет.

Алквист. Только люди могут продолжать жизнь. Не отнимайте у меня времени.

2-й робот. Сжалься, господин. Нас обуял ужас. Мы исправим все, что совершили.

3-й робот. Мы увеличили производство во много раз. Уже некуда складывать все, что мы произвели.

Алквист. Для кого?

3-й робот. Для будущих поколений.

Радий. Только роботов мы не умеем воспроизводить. Из машин выходят одни окровавленные куски. Кожа не прирастает к мясу, а мясо — к костям. Из машин потоком сыплются бесформенные клочья.

3-й робот. Людям была известна тайна жизни. Открой нам их тайну.

4-й робот. Не откроешь — мы погибнем.

3-й робот. Не откроешь — погибнешь сам. Нам поручено убить тебя.

Алквист *(встает).* Так убивайте! Ну, убейте меня!

3-й робот. Тебе велено…

Алквист. Мне! Кто смеет повелевать мне?

3-й робот. Правительство роботов.

Алквист. Кто ж это?

5-й робот. Я, Дамон.

Алквист. Что тебе надо здесь? Уходи! (Садится за письменный стол.)

Дамон. Всемирное правительство роботов хочет вступить с тобой в переговоры.

Алквист. Не отнимай у меня времени, робот! (Опускает голову на руки.)

Дамон. Центральный Совет приказывает тебе выдать инструкции Россума.

Алквист молчит.

Дамон. Назначь цену. Мы заплатим любую.

1-й робот. Господин, научи нас сохранить жизнь.

Алквист. Я сказал, сказал уже: надо найти людей. Только люди способны размножаться. Обновлять жизнь. Только они могут вернуть все, что было. Роботы, ради бога, прошу вас: разыщите их!

4-й робот. Мы обыскали весь земной шар, господин. Людей нет.

Алквист. О-о-о, зачем вы их истребили!

2-й робот. Мы хотели быть, как люди. Хотели стать людьми.

Радий. Мы хотели жить. Мы способнее людей. Мы научились всему. Мы все можем.

3-й робот. Вы дали нам оружие. Мы не могли не стать господами.

4-й робот. Мы познали ошибки людей, господин.

Дамон. Надо убивать и властвовать, если хочешь быть, как люди. Читайте историю! Читайте книги людей! Надо властвовать и убивать, чтобы быть людьми!

Алквист. Ах, Дамон, ничто так не чуждо человеку, как его

собственный образ.

4-й робот. Мы вымрем, если ты не дашь нам размножиться.

Алквист. И подыхайте! Вы — вещи, вы — рабы, вы еще хотите размножаться? Если хотите жить — плодитесь, как животные!

3-й робот. Люди не дали нам этой способности.

4-й робот. Научи нас делать роботов.

Дамон. Мы будем родить с помощью машин. Построим тысячи паровых маток. Они начнут извергать потоки жизни. Жизнь! Роботов! Сплошь одних роботов!

Алквист. Роботы — не жизнь. Роботы — машины.

2-й робот. Мы были машинами, господин. Но от ужаса и страданий мы стали…

Алквист. Чем?

2-й робот. Мы обрели душу.

4-й робот. Что-то борется в нас. Бывают моменты, когда на нас что-то находит. И мысли являются, каких не бывало прежде.

3-й робот. Слушайте, о, слушайте! Люди — наши отцы! Этот голос, возвещающий о том, что вы хотите жить, голос, горько жалующийся,, голос мыслящий, голос, говорящий нам о вечности, — это их голос! Мы — их сыновья!

4-й робот. Выдай нам завещание людей.

Алквист. Такого нет.

Дамон. Открой тайну жизни.

Алквист. Она утрачена.

Радий. Ты знал ее.

Алквист. Нет, не знал.

Радий. Она была записана.

Алквист. Утеряна. Сожжена. Я — последний человек, роботы, и не знаю того, что знали другие. Вы убили их!

Радий. Тебя мы оставили в живых.

Алквист. Да, в живых! Меня вы оставили в живых, палачи! Я любил людей, а вас, роботы, не любил никогда. Видите вы эти глаза? Они не перестают плакать: один оплакивает людей, другой — вас, роботы.

Радий. Ставь опыты. Ищи рецепт жизни.

Алквист. Мне нечего искать, роботы. Из формулы не сделаешь рецепта жизни.

Дамон. Экспериментируй над живыми роботами. Изучи их устройство.

Алквист. Живые тела? Другими словами — чтобы я убивал? Я, который никогда… Замолчи, робот! Говорю тебе: я слишком стар. Видишь, видишь, как дрожат мои пальцы? Я не удержу скальпеля. Видишь, как слезятся мои глаза? Да мне не разглядеть

своих собственных рук! Нет, нет, не могу!

4-й робот. Жизнь погибнет.

Алквист. Прекрати, ради бога, это безумие! Скорее люди с того света подадут нам жизнь; быть может, они еще вернутся; они так близко от нас, словно окружают нас везде; стараются пробиться к нам, как из подземной шахты. Ах, разве я не слышу все время голоса которые любил?

Дамон. Возьми живые тела!

Алквист. Смилуйся, робот, не принуждай меня! Ты видишь — я уже не знаю, что делаю!

Дамон. Живые тела!

Алквист. А, ты хочешь этого? Ступай в прозекторскую! Сюда, сюда, живее! Ага! Вздрогнул? Значит, всё-таки боишься смерти?

Дамон. Я? Почему именно я?

Алквист. Не хочется?

Дамон. Иду. *(Уходит направо.)*

Алквист *(остальным).* Раздеть его! Положить на стол! Скорей! И крепко держать.

Все уходят направо.

Алквист *(моет руки и плачет.)* Боже, дай мне силы! Дай мне силы! Боже, только бы это было не напрасно! (Надевает белый халат.)

Голос справа. Готово!

Алквист. Сейчас, сейчас. О господи! *(Берет со стола несколько склянок с реактивами.)* Которую взять? *(Постукивает склянками друг о друга.)* Которую из вас испробовать?

Голос справа. Можно начинать!

Алквист. Да, да, начинать — или кончать. Боже, дай мне силы!

Уходит направо, оставив дверь полуоткрытой.

Пауза.

Голос Алквиста. Держите его крепче!

Голос Дамона. Режь!

Пауза.

Голос Алквиста. Видишь этот нож? И ты все еще хочешь, чтобы я резал? Не хочешь ведь, правда?

Голос Дамона. Режь!

Пауза.

Крик Дамона. Аааааа!

Голос Алквиста. Держите! Держите!

Крик Дамона. Аааааа!

Голос Алквиста. Не могу!

Крик Дамона. Режь! Режь скорей!

Из средней двери выбегают роботы Прим и Елена.

Елена. Прим, Прим, что тут творится? Кто это кричит?

Прим *(заглянув в прозекторскую).* Господин режет Дамона. Пойдем скорей, посмотрим, Елена!

Елена. Нет, нет, нет! *(Закрывает глаза.)* Это уж-жасно!

Крик Дамона. Режь!

Елена. Прим, Прим, пойдем отсюда! Я не могу этого слышать! О, Прим, мне дурно!

Прим *(бежит к ней).* Ты совсем белая!

Елена. Я сейчас упаду! Отчего там вдруг все стихло?

Крик Дамона. Аааа-о!

Алквист *(вбегает справа, сбрасывает окровавленный халат).* Не могу! Не могу! Боже, какой ужас!

Радий *(в двери прозекторской.)* Режь, господин! Он еще жив!

Крик Дамона. Режь! Режь!

Алквист. Унесите его скорей! Я не хочу этого слышать!

Радий. Роботы могут вынести больше тебя. *(Уходит.)*

Алквист. Кто тут? Подите прочь! Я хочу быть один! Как тебя зовут?

Прим. Робот Прим.

Алквист. Никого сюда не впускать, Прим! Я хочу спать, слышишь? Ступай прибери в прозекторской, девушка! Что это? *(Смотрит на свои руки.)* Скорей воды! Самой чистой воды!

Елена выбегает.

Алквист. О, кровь! Как могли вы, руки… руки, которые так любили добрый труд, как могли вы это сделать? Руки, руки мои… Господи, кто тут?

Прим. Робот Прим.

Алквист. Унеси халат. Видеть его не могу!

Прим уносит халат.

Алквист. Кровавые когти, как мне от вас отделаться? Кшш, прочь! Прочь, руки! Вы убили…

Из правой двери, шатаясь, вваливается Дамин, закутанный в окровавленную простыню.

Алквист *(отшатывается).* Что тебе? Что тебе?

Дамон. Жи… живой! Лу… лу… лучше — жить!

2-й и 3-й роботы вбегают за ним.

Алквист. Унесите его! Унесите! Унесите скорей!

Дамона ведут направо.

Дамон: Жизнь!.. Я хочу… жить! Лу… лучше…

Елена приносит кувшин с водой.

Алквист *(помолчав).* …жить?.. Что тебе, девушка? Ах, это ты. Полей, полей мне на руки! *(Моет руки.)* Ах, чистая, освежающая вода! Холодная струйка, как ты приятна! Ах, руки, руки мои! Неужели вы до самой смерти будете внушать мне отвращение?

Лей, лей! Больше воды, еще больше! Как тебя зовут?

Елена. Робот Елена.

Алквист. Елена? Почему Елена? Кто тебя так назвал?

Елена. Госпожа Домин.

Алквист. Покажись, Елена! Так тебя зовут Елена? Я не буду называть тебя так. Унеси воду.

Елена уходит с кувшином.

Алквист *(один.)* Всё напрасно, все напрасно! Ничего — опять ничего не узнал! Неужели ты вечно будешь двигаться вслепую, бездарный школяр природы? Боже, боже, боже, как трепетало это тело! *(Открывает окно.)* Светает. Опять новый день, а ты не продвинулся ни на пядь… ни на шаг вперед! Оставь поиски! Все тщетно, тщетно, тщетно! Зачем опять рассвет? Ооо, что нужно новому дню на кладбище жизни? Остановись, светило! Не всходи больше! Как тихо, как тихо! Зачем умолкли вы, любимые голоса? Если б… если б только я мог уснуть! *(Гасит лампы, ложится на кушетку, натягивает на себя черный халат.)* Как трепетало это тело! Ооо, конец жизни!

Пауза.

Справа в лабораторию прокрадывается Елена.

Елена. Прим! Иди скорей сюда!

Прим (входит). Что тебе?

Елена. Смотри, сколько у него тут трубочек! Что он с ними делает?

Прим. Опыты. Не трогай.

Елена (смотрит в микроскоп). Ой, смотри, как интересно!

Прим. Это микроскоп. Ну-ка дай…

Елена. Не трогай меня! *(Разбила пробирку.)* Ах, ну вот — пролила…

Прим. Что ты наделала! Елена. Это можно вытереть.

Прим. Ты испортила ему опыт!

Елена. Оставь — это пустяки. Ты сам виноват. Нечего было подходить ко мне.

Прим. А тебе нечего было меня звать.

Елена. Ну что же, пусть я звала — а ты бы не подходил. Ой, смотри, Прим: господин тут что-то написал!

Прим. Этого нельзя читать, Елена. Это тайна.

Елена. Какая тайна?

Прим. Тайна жизни.

Елена. Это уж-жасно интересно! Одни цифры. Что это такое?

Прим. Формулы.

Елена. Не понимаю. *(Подходит к окну.)* Нет, Прим взгляни!

Прим. Что там?

Елена. Солнце всходит!

Прим. Постой, я сейчас.. (Просматривает книгу.) Елена, это величайшая вещь на свете!

Елена. Пойди же сюда!

Прим. Сейчас, сейчас…

Елена. Прим, да оставь ты эту противную тайну жизни! Какое тебе дело до всяких тайн? Иди скорей смотри!

Прим (подходит к окну). Ну, что тут?

Елена. Слышишь? Птицы поют. Ах, Прим, как бы мне хотелось стать птицей!

Прим. Для чего?

Елена. Не знаю, Прим. Мне так странно. Сама не знаю, что это такое: я словно с ума сошла, совсем голову потеряла, у меня болит тело, сердце — всё болит!.. А что со мной случилось — ах, этого я тебе не скажу! Знаешь, Прим, наверно, я скоро умру.

Прим. Скажи, Елена, не кажется тебе иногда, что лучше было бы умереть? Ведь может быть… мы просто спим? Вчера я опять во сне разговаривал с тобой.

Елена. Во сне?

Прим. Во сне. И говорили мы на каком-то чужом или новом языке, потому что я не помню ни слова.

Елена. О чем мы говорили?

Прим. Не известно. Я сам не понимал — и все-таки знаю, что никогда еще не говорил ничего более прекрасного. Как это было и где — не помню. Но когда я дотронулся до тебя-я чуть не умер. П место было совсем не похоже на те, какие я когда-нибудь видел на свете.

Елена. А я нашла такое местечко, Прим, — ты не поверишь! Там жили люди, но теперь все уже заросло, и никто туда не ходит. Никто, никогда только одна я.

Прим. А что там есть?

Елена. Ничего особенного; просто домик и сад. И две собаки. Видел бы ты, как они мне лижут руки… А их щенята! Ах, Прим, наверно, в мире нет ничего прекраснее! Возьмешь их на колени, станешь с ними нянчиться — и уж ни о чем не думаешь, ни о чем не заботишься, пока солнце не сядет. И потом, когда встанешь, У тебя такое ощущение, будто ты сделал в сто раз больше самого большого дела. Нет, я и впрямь никуда не гожусь. Все говорят, что я не пригодна ни к какой работе. Я сама не знаю, какая я.

Прим. Ты красивая.

Елена. Я? Перестань, Прим… Как ты сказал?

Прим. Поверь мне, Елена: я сильней всех роботов.

Елена *(перед зеркалом).* Будто я красивая? Ах, эти уж-жасные волосы! Что бы такое воткнуть в них? Там, в саду, я всегда втыкаю в волосы цветы; но там нет зеркала, и никто…

(Всматривается в свое отражение.) Ты красивая? Почему? Разве красивы волосы, от которых только тяжело голове? Красивы глаза, которые то и дело закрываешь? Или губы, которые все время кусаешь, чтоб стало больно? Что это такое, к чему это — быть красивой? *(Видит в зеркале Прима.)* Это ты, Прим? Пойди сюда. Посмотримся в зеркало, вот так, рядом… Видишь, у тебя голова не такая, как у меня, и плечи, и рот… Ах, Прим, зачем ты сторонишься меня? Почему заставляешь меня целыми днями бегать за тобой? А сам говоришь, что я красивая!

Прим. Это ты от меня скрываешься, Елена.

Елена. Что за прическа! Дай-ка! *(Запускает обе руки ему в волосы.)* Ой, Прим, как приятно до тебя дотрагиваться! Погоди, ты тоже должен быть красивым! *(Берет с умывальника гребенку, начесывает Приму волосы на лоб.)*

Прим. Елена, с тобой не бывает так: вдруг сердце заколотится, будто вот-вот случится что-то…

Елена *(смеется)*. Погляди теперь на себя!

Алквист (поднимается с кушетки). Что… что это? Смех? Люди? Кто вернулся?

Елена (роняет гребенку). Но что же может с нами случиться, Прим?

Алквист *(шатаясь, бросается к ним)*. Люди. Вы… вы… вы — люди?

Елена, вскрикнув, отворачивается.

Алквист. Вы — обрученные? Люди? Откуда вы взялись? (Ощупывает руками Прима.) Кто вы?

Прим. Робот Прим.

Алквист. Что?! Покажись мне, девушка! А ты кто?

Прим. Робот Елена.

Алквист. Робот? Обернись ко мне лицом! Как! Тебе стыдно? *(Берет ее за плечо.)* Покажись мне, робот!

Прим. Господин, не трогай ее!

Алквист. О! Ты ее защищаешь?.. Ступай, девушка!

Елена выбегает.

Прим. Мы не знали, господин, что ты спишь тут.

Алквист. Когда ее сделали?

Прим. Два года тому назад.

Алквист. Доктор Галль?

Прим. Так же, как и меня.

Алквист. Тогда вот что, милый Прим: мне… мне надо произвести кое-какие опыты над роботами Галля. От этого зависит будущее, понятно?

Прим. Да.

Алквист. Хорошо. Тогда отведи эту девушку в

прозекторскую. Я буду ее анатомировать.

Прим. Елену?!

Алквист. Ну да, я же говорю. Иди, приготовь все… Ну, что же ты стоишь? Или мне позвать других, чтобы ее отвели?

Прим (хватает тяжелый пестик). Пошевелись только — голову разобью!

Алквист. Разбей! Разбей же! Что тогда станут делать роботы?

Прим *(бросается на колени)*. Возьми меня, господин! Я так же — сделан, как она, из того же материала, в тот же самый день. Возьми мою жизнь, господин! *(Распахивает блузу.)* Режь! На!

Алквист. Ступай, я хочу анатомировать Елену. Да поторапливайся!

Прим. Возьми меня вместо нее: вскрой мне грудь. Даже не вскрикну, не охну! Сто раз возьми мою жизнь…

Алквист. Спокойно, милый. Не так щедро! Или тебе жизнь не дорога?

Прим. Без нее — не дорога. Без нее я не хочу жить господин. Ты не должен убивать Елену! Ну, не все ли тебе равно? Возьми мою жизнь!

Алквист *(нежно дотрагивается до его головы)*. Гм, не знаю. Послушай, юноша, подумай хорошенько. Тяжело умирать. Видишь ли, жить гораздо лучше.

Прим *(поднимаясь)*. Не бойся, господин, режь. Я сильней ее.

Алквист *(звонит)*. Ах, Прим, как давно я был молодым! Не бойся — с Еленой ничего не случится.

Прим *(расстегивает блузу)*. Я иду, господин.

Алквист. Погоди.

Входит Елена.

Алквист. Подойди сюда, девушка, покажись мне! Значит, ты — Елена? *(Гладит ее по волосам.)* Не бойся, не отдергивай головы. Ты помнишь госпожу Домин? Ах, Елена, какие у нее были волосы! Нет, нет, ты не хочешь взглянуть на меня. Ну как, убрала в прозекторской?

Елена. Да, господин.

Алквист. Хорошо. И ты поможешь, мне, правда? Я буду анатомировать Прима…

Елена. (вскрикивает). Прима?!

Алквист. Ну да. Это необходимо. Я думал было анатомировать тебя, но Прим предложил себя на твое место.

Елена (закрыв лицо руками). Прим?

Алквист. Ну да, что тут такого? Ах, дитя мое, ты умеешь плакать? Но скажи: что тебе до какого-то Прима?

Прим. Не мучай ее, господин!

Алквист. Тише, Прим, тише! Зачем эти слезы? Господи, ну

что тут такого: ну, не будет Прима. Через неделю ты о нем забудешь. Иди и радуйся, что живешь.

Елена (тихо). Я пойду.

Алквист. Куда?

Елена. Туда… Чтобы ты меня анатомировал.

Алквист. Тебя? Ты красивая, Елена, Жалко.

Елена. Пойду. (Прим загораживает ей дорогу.) Пусти, Прим! Пусти меня туда!

Прим. Ты не пойдешь, Елена! Прошу тебя, уйди. Тебе нельзя здесь оставаться!

Елена. Я выброшусь из окна, Прим! Если ты туда пойдешь, я выброшусь из окна!

Прим (удерживает ее). Не пущу! (К Алквисту.) Ты не убьешь никого из нас, старик!

Алквист. Почему?

Прим. Мы… мы принадлежим друг другу.

Алквист. Да будет так! (Открывает среднюю дверь.) Тише. Ступайте.

Прим. Куда?

Алквист *(шепотом)*. Куда хотите. Елена, веди его. *(Выталкивает их.)* Ступай, Адам. Ступай, Ева; ты будешь ему женой. Будь ей мужем, Прим! (Запирает за ними дверь. Один.) Благословенный день! (Подходит на цыпочках к столу, выливает содержимое пробирок на пол.) Праздник дня шестого!{5} *(Садится к письменному столу, сбрасывает книги; потом раскрывает Библию, перелистывает, читает вслух.)* «И сотворил бог человека по образу своему, по образу божию сотворил его: мужчину и женщину — сотворил их. И благословил их бог, и сказал им вот плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над зверями, и над птицами небесными, и над всяким скотом, и над всею землею, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле… *(Встает.)* И увидел бог все, что он создал, и вот — хорошо весьма. И был вечер, и было утро день шестой». *(Выходит на середину комнаты.)* День шестой! День милости. *(Падает на колени.)* Ныне отпускаешь раба твоего, владыко, — самого ненужного из рабов твоих Алквиста. Россум, Фабри, Галль, великие изобретатели — что изобрели вы более великого, чем эта девушка, этот юноша, эта первая пара, открывшая любовь, плач, улыбку любви — любви между мужчиной и женщиной? О, природа, природа, — жизнь не погибнет! Товарищи мои, Елена, — жизнь не погибнет! Она возродится вновь от любви, возродится, нагая и крохотная, и примется в пустыне, и не нужно будет ей все, что мы делали и строили, не нужны города и фабрики, не

нужно наше искусство, не нужны наши мысли… Но она не погибнет! Только мы погибли! Рухнут дома и машины, развалятся мировые системы, имена великих опадут, как осенние листья… Только ты, любовь, расцветешь на руинах и ветру вверишь крошечное семя жизни… Ныне отпускаешь раба твоего, владыко, по слову твоему, с миром; ибо видели очи мои… видели… спасение твое через любовь, и жизнь не погибнет! *(Встает.)* Не погибнет! *(Раскрывает объятия.)* Не погибнет!

Занавес

notes

Примечания

1

На чешском языке слово «robota» означает «каторга», «тяжёлая работа», «барщина».